

Послѣдніе годы жизни св. ап. Павла.

Первыя римскія узы и причины ихъ продолжительности.

Призванный Господомъ Богомъ быть свидѣтелемъ предъ всѣми народами земли и признанный въ такомъ назначеніи послѣдователями І. Христа (Дѣян. 13, 2. 3; 14, 26), ап. Павелъ съ удивительною ревностью и поразительно блестящими успѣхами уже пронесъ свое благовѣстіе по городамъ Малой Азіи и Балканскаго полуострова во время своихъ первыхъ трехъ путешествій, о которыхъ намъ повѣствуетъ книга «Дѣяній Апостольскихъ». Ему оставалось теперь перенести свою проповѣдническую дѣятельность еще далѣе отъ начала возникновенія христіанства,—города Іерусалима. И онъ, руководимый промысломъ Божиимъ, чувствовалъ, что ему надлежитъ отправиться съ тою же самою проповѣдью въ Римъ, столицу великой Римской имперіи, а оттуда перейти и въ Испанію (Рим. 15, 24). Онъ сознавалъ необходимость этого путешествія и писалъ о немъ въ своемъ Посланіи къ римлянамъ, но не зналъ опредѣленно, когда и при какихъ обстоятельствахъ ему удастся осуществить это его намѣреніе. Ранѣе онъ предполагалъ, что будетъ въ Римъ свободнымъ миссіонеромъ въ сопровожденіи своихъ спутниковъ и учениковъ, подобно тому какъ онъ совершалъ свои раннѣйшія миссіонерскія путешествія.

Но это желаніе и предположеніе хотя и осуществилось, однако совершенно при другихъ условіяхъ.—По проискамъ іерусалимскихъ іудеевъ онъ въ продолженіи уже двухъ лѣтъ былъ въ темничномъ заключеніи въ городѣ Кесаріи. За это время онъ потерялъ надежду на освобожденіе и на возможность свободного путешествія изъ одной мѣстности въ другую. Обстоятельства складывались такимъ образомъ, что заставляли думать о дру-

гомъ способъ исполненія своего давнишняго желанія посѣтить Римъ и Испанію.

Положимъ, онъ былъ узникомъ, оковы висѣли на его рукахъ и ногахъ, и темничные стражи зорко наблюдали за всѣми его дѣйствіями. Но онъ вѣрилъ, что для слова Божія не можетъ быть узъ; и неудобства жизни проповѣдника еще не составляютъ рѣшительныхъ препятствій для самаго дѣла проповѣди. Притомъ же онъ былъ ободренъ въ этомъ отношеніи самимъ Господомъ «Дерзай, Павелъ, говоритъ ему Господь, явившійся въ іерусалимской крѣпости, дерзай, ибо какъ ты свидѣтельствовалъ о Мнѣ въ Іерусалимѣ, такъ надлежитъ тебѣ свидѣтельствовать и въ Римѣ» (Дѣян. 23, 11). По этому слѣдуетъ думать, что рѣшимость отправиться въ Римъ въ качествѣ узника созрѣла у ап. Павла постепенно въ продолженіи его темничнаго заключенія. Только при условіи его требованія апелляціоннаго суда у римскаго императора онъ могъ навѣрное рассчитывать попасть въ Римъ, хотя бы и узникомъ, а въ дальнѣйшемъ онъ ожидалъ руководства Божія. И его рѣчь предъ Фестомъ, которую онъ произнесъ при своемъ допросѣ, съ его стороны была такимъ образомъ выраженіемъ постепенно, но твердо, созрѣваго рѣшенія. Когда проконсулъ Фестъ приступилъ къ предварительному ознакомленію съ дѣломъ ап. Павла и, выслушавъ всѣ обвиненія на него со стороны іудеевъ, предложилъ ему для окончательнаго судопроизводства отправиться изъ Кесаріи въ Іерусалимъ, то апостоль совершенно сознательно и обдуманно сказалъ ему: «Я стою передъ судомъ кесаревымъ, гдѣ и слѣдуетъ быть судимымъ. Іудеи не ничѣмъ не обидѣлъ, какъ и ты хорошо знаешь. Ибо если я не правъ и сдѣлалъ что—либо достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нѣтъ, въ чемъ сѣ меня обвиняютъ, то никто не можетъ выдать меня имъ. Требую суда кесарева» (Дѣян. 25, 10. 11.) Тогда Фестъ, поговоривъ съ своимъ совѣтомъ, отвѣчалъ: ты потребовалъ суда кесарева, къ кесарю и отправишься» (ст. 12). Требованіе ап. Павла суда кесарева было равносильно требованію перенести все судопроизводство въ Римъ на волю и рѣшеніе самого римскаго императора. Такъ отнесся и Фестъ къ этому апостольскому требованію, и, такимъ образомъ, путешествіе ап. Павла въ Римъ съ этого времени было вполне обезпечено. Оно дѣйствительно и совершилось, по повѣствованію «Дѣяній», вскорѣ же послѣ предварительнаго судебнаго разбирательства въ томъ же 60 году, захвативъ и начало 61 года.

Согласно съ заявленною апелляціей прибывшій въ Римъ ап. Павелъ долженъ былъ предстать на судъ къ самому императору, — такъ полагалось по дѣйствующимъ законамъ Римской имперіи. Дѣло ап. Павла должно было быть снова пересмотрено самимъ императоромъ съ его государственнымъ совѣтомъ. Но императоры не всегда имѣли желаніе и возможность сами

лично разсматривать дѣла по всѣмъ апелляціямъ. Очень часто случалось, что разсмотрѣніе апелляціи передавалось не въ государственный императорскій совѣтъ, но сенату, префекту преторіи или префекту города. Такъ случилось и съ дѣломъ ап. Павла. Оно не попало въ руки самого императора, а потому и не могло быть рѣшено скорѣ. Какъ можно заключать на основаніи повѣствованія «Дѣяній», дѣло ап. Павла было передано префекту преторіа, которымъ въ то время былъ Бурръ, человѣкъ честный и справедливый. Самъ по себѣ онъ вѣроятно скоро бы рѣшилъ дѣло ап. Павла, и великій миссіонеръ скоро бы получилъ желаемую свободу, но обстоятельства того времени совершенно не благопріятствовали правильному и быстрому судопроизводству. Бурръ въ это время завѣдывалъ не только военнымъ дѣломъ г. Рима, но и вмѣстѣ съ Сенекою былъ приближеннымъ совѣтникомъ императора Нерона. Такимъ образомъ на нихъ двоихъ лежалъ весь ходъ государственнаго управленія, а кромѣ того они должны были считаться и со всѣми проявленіями безразсудства жестокаго и развратнаго императора. Бурру рѣшительно некогда было обратить свое вниманіе на ап. Павла, бѣднаго и незнатнаго іудейскаго узника; у него ежедневно были на очереди болѣе неотложныя дѣла государственной важности или важности вслѣдствіе ихъ отношенія къ личности императора.

То приготовлялись къ убійству матери императора Агрипины, а когда матереубійство было совершено Аплустомъ, начались безумства Нерона въ другихъ областяхъ: въ области пиршествъ, цирковыхъ представленій и музыкальныхъ артистическихъ состязаній, въ которыхъ императоръ хотѣлъ первенствовать и получать вѣнки и похвалы.

Поэтому префектъ Бурръ передалъ дѣло ап. Павла другому префекту, префекту города, которымъ въ то время былъ Педаній Секундъ (Тац. 14, 53). Это болѣе соответствуетъ и дѣлу ап. Павла, обвиняемаго скорѣ всего въ нарушеніи общественнаго спокойствія своею религіозною проповѣдью, чѣмъ въ какомъ-либо уголовномъ или дисциплинарно-военномъ преступленіи. Съ такимъ предположеніемъ вполне согласуется и, повидимому, случайное дополнительное замѣчаніе Дѣяписателя, что сотникъ другихъ узниковъ прибывшихъ въ Римъ вмѣстѣ съ ап. Павломъ передалъ военачальнику, а самому апостолу позволилъ жить особенно вмѣстѣ съ воинномъ стерегущимъ его (Дѣян. 28, 16). И ап. Павелъ, какъ объ этомъ повѣствуетъ Дѣсписатель, помѣстился не въ преторіанскихъ казармахъ, а въ городской гостинницѣ, такъ что іудеи, желавшіе вести съ нимъ религіозныя бесѣды, въ назначенный день свободно пришли къ нему; и онъ до вечера излагалъ имъ ученіе о царствіи Божіемъ (Дѣян. 28. 23).—Только при допущеніи назначенія дѣла ап. Павла къ слушанію и разбирательству у префекта города возможно объясненіе той свободы, которою пользовался

апостолъ во всѣ два года своихъ римскихъ узъ, живя на своемъ собственномъ иждивеніи и принимая всѣхъ приходившихъ къ нему.

Почему же, въ такомъ случаѣ, дѣло ап. Павла не получало такъ долго окончательнаго разрѣшенія?—Причиною этого было слѣдующее. Первое это то, что для—судопроизводства по дѣлу ап. Павла, какъ и по всякому дѣлу, согласно съ требованіемъ римскаго судебного права, требовалось собрать всѣ показанія со стороны обвиняемаго и его обвинителей. Обвиняемый, ап. Павелъ, былъ на лицо; онъ могъ дать всѣ нужныя объясненія и показанія. Но приходилось ждать дачи показаній со стороны его обвинителей іудеевъ. Какъ видно изъ повѣствованія «Дѣяній», когда ап. Павелъ послѣ своего продолжительнаго морскаго путешествія прибылъ наконецъ въ Римъ, здѣсь отъ римскихъ іудеевъ онъ узнаетъ, что тѣ рѣшительно ничего не знаютъ ни о немъ, ни о его дѣлѣ, по которому онъ прибылъ въ Римъ. Значить, обвинители апостола еще не успѣли прибыть изъ Іерусалима,—иначе они давно бы постарались настроить іудеевъ столицы противъ апостола языковъ, ухудшить его положеніе и воспрепятствовать дѣлу его проповѣди. Но, конечно, это замедленіе не могло продолжаться долго. Ревность іудеевъ къ ихъ религіи и злоба противъ ап. Павла вѣроятно побудили и ихъ поскорѣе прибыть въ Римъ и покончить здѣсь съ ненавистнымъ имъ проповѣдникомъ христіанства. Впрочемъ и ихъ прибытіе не составляло всего въ судопроизводствѣ апостола. Достаточность ихъ уликъ противъ апостола должна была послужить поводомъ къ произнесенію обвинительнаго приговора, а недостаточность—побудить судей рѣшить дѣло въ благопріятномъ для апостола смыслѣ или же, по требованію обвинителей, отложить окончательное рѣшеніе до будущаго. Это послѣднее и случилось. Не достигнувъ своей цѣли, — смертнаго приговора надъ апостоломъ, іудеи потребовали отложить окончательное рѣшеніе на нѣкоторое время, въ которое они надѣялись усилить свои обвиненія. А можетъ быть они рассчитывали на дѣйствіе подкупа. Этимъ послѣднимъ средствомъ іудеи никогда не пренебрегали, не могли они упустить его изъ виду и въ данномъ процессѣ. И это казалось имъ тѣмъ болѣе возможнымъ, что должность городского префекта занималъ тогда Педаній Секундъ, человѣкъ не отличававшійся особенною честностію и доступный подкупу. Такъ по крайней мѣрѣ даетъ право судить о личности Педанія Секунда историкъ Талитъ (14, 42). Но почему въ такомъ случаѣ іудеи пользуясь подкупностію префекта, не добились совершеннаго осужденія апостола языковъ?—Этому могло воспрепятствовать съ одной стороны безсовѣстность Педанія Секунда, съ другой сущность процесса апостола Павла. Педаній Секундъ бралъ взятки съ іудеевъ и однако не считалъ себя обязаннымъ исполнять ихъ

требованія. Онъ полагалъ достаточнымъ и того, что продолжалъ держать въ заключеніи ненавистнаго имъ челоуѣка и думалъ и еще поживиться на ихъ счетъ. Къ тому-же, получивъ отъ Феста очень благопріятный отзывъ объ ап. Павлѣ, онъ не могъ рѣшить порученное ему дѣлу обвиненіемъ этого послѣдняго. Ап. Павелъ мало того что представлялся Педаннію Секунду совершенно правымъ и незаслуживающимъ наказанія по недоказанности обвиненій, но, какъ римскій гражданинъ, даже могъ рассчитывать на снисхожденіе. Изъ практики римскаго судопроизводства намъ хорошо извѣстно, что римская правительственная и судебная власть очень рѣдко поступалась привилегированными членами государства, и только лишь особенно вопіющія преступленія заставляли произносить обвинительные приговоры противъ тѣхъ или другихъ изъ нихъ. А ап. Павелъ съ его правомъ римскаго гражданства несомнѣнно и долженъ былъ казаться заслуживающимъ снисхожденія сравнительно съ его обвинителями — простыми палестинскими іудеями.

Освобожденіе изъ узъ ап. Павла.

Однако апостолу языковъ пришлось бы долго еще ждать окончательнаго рѣшенія по своему дѣлу, если бы не произошло перемѣны въ представителяхъ судебной власти.—Въ половинѣ 62 года,—такъ нужно полагать по сказанію Тацитовой лѣтописи,—Педанній Секундъ былъ убитъ своимъ рабомъ. На мѣсто его было назначено другое лицо, и въ ходѣ судебного процесса ап. Павла должна была наступить перемѣна. Перемѣна эта дѣйствительно наступила и при томъ къ лучшему. Объ этомъ даетъ намъ знать самъ ап. Павелъ въ своихъ посланіяхъ къ Филиппійцамъ и Фимону, которыя написаны имъ около половины 62 года.—Первоначально вѣсть о смерти Педаннія Секунда не должна была особенно обрадовать апостола Павла. Нельзя было предаваться радостной надеждѣ только вслѣдствіи простой смѣны одного должностнаго лица другимъ. И другое могло быть такимъ же, какимъ было первое, и даже еще хуже, еще болѣе несправедливымъ. Ап. Павла въ его тогдашнемъ положеніи могло обрадовать и обнадежить лишь болѣе опредѣленное извѣстіе о назначеніе на мѣсто Секунда лица извѣстнаго своею честностію и неподкупностію. И должно быть апостолъ въ своемъ заключеніи получилъ такого именно рода извѣстіе. Когда онъ услышалъ объ этомъ отъ своихъ друзей и послѣдователей, то душа его исполнилась радостною надеждою. Ему вспомнились тогда основанныя имъ христіанскія общины; пришли ему на память тѣ бѣды, опасности и испытанія, которымъ подвергались эти еще не окрѣпшія въ христіанской догматикѣ и нравственности общества; и у него тотчасъ же явилась мысль, какъ только онъ освободится изъ

римскихъ узъ, то тогда же предприметь путешествіе туда, гдѣ такъ нуждались въ его личномъ присутствіи. И онъ сейчасъ же пишетъ своимъ щедрымъ и возлюбленнымъ филиппійцамъ: «я вѣрно знаю, что останусь живымъ и пребуду со всѣми вами для вашего успѣха и назиданія въ вѣрѣ, дабы похвала ваша во Христѣ Іисусѣ умножилась чрезъ меня при моемъ вторичномъ къ вамъ пришествіи» (Филип. 1, 25, 26).

Здѣсь пока высказывается простое ожиданіе, личная надежда апостола. Повидимому у самого ап. Павла не было твердыхъ и вѣрныхъ фактовъ, подтверждавшихъ эту надежду на освобожденіе. Но они нашлись, когда онъ писалъ свое посланіе къ Филимону. Вѣроятно къ этому времени новый префектъ успѣлъ заявить себя съ хорошей стороны; можетъ быть уже происходило судебное разбирательство предъ этимъ новымъ судьей; и ап. Павелъ вынесъ благопріятное впечатлѣніе изъ зала суда. По крайней мѣрѣ въ посланіи къ Филимону онъ высказываетъ не только надежду на освобожденіе, но и свое прямое намѣреніе перезимовать въ совершенно другой, чѣмъ Римъ, мѣстности. Онъ пишетъ Филимону: «приготовь для меня и помѣщеніе; ибо надѣюсь, что по молитвамъ вашимъ я буду дарованъ вамъ (ст. 22)».

Все-таки и при такомъ положеніи вещей было трудно разсчитывать на скорое освобожденіе. Обстоятельства того времени были такого рода, что заставили забывать о незначительномъ дѣлѣ іудейскаго узника. Въ концѣ 62 или въ началѣ 63 года произошла загадочная смерть префекта Бурра. Его мѣсто заняли Фелій Руфъ и Софоній Тигеллинъ; изъ которыхъ послѣдній, по отзыву Тацита, имѣлъ особенное вліяніе на императора Нерона, какъ соучастникъ самыхъ тайныхъ его наслажденій, и отличался крайнимъ безстыдствомъ и безнравственностью (14, 53). вмѣстѣ съ тѣмъ колебалось положеніе благороднаго философа Сенеки и прекратилось его благотворное вліяніе на Нерона; тогда же произошло удаленіе первой супруги Нерона Октавіи и ея насильственная смерть, за которою послѣдовала его женитьба на развратной Поппеѣ, бывшей виновницею многихъ казней и ссылокъ. Все это представляло слишкомъ много препятствій для правильнаго хода государственнаго управленія и судопроизводства; и ап. Павлу, можетъ быть, еще долго пришлось бы ждать осуществленія своей надежды и своихъ обѣщаній.

Но къ этому времени, въ началѣ 63 года, произошло одно событіе, которое имѣло рѣшительное Нерона вліяніе на дальнѣйшую судьбу ап. Павла,—именно рожденіе дочери отъ супруги Поппеи. По извѣстію Тацита Неронъ былъ очень радъ этому событію и предписалъ блестящія торжества и празднества (Тац. 15, 23). Вполнѣ естественно ожидать, что подобнаго рода торжества не прошли безслѣдно для узниковъ Рима и въ частности для ап. Павла. Судьи также хотѣли чѣмъ-нибудь озна-

меновать свою радость по поводу рожденія царской дочери. Этимъ способомъ они не только могли выразить свое дѣйствительное душевное настроеніе, но и поддѣлаться подъ общее настроеніе и тѣмъ самымъ выставить себя предъ высшимъ начальствомъ и императоромъ. Поэтому судопроизводство того времени сдѣлалось болѣе снисходительнымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ высшіе начальники и безъ суда оправдывали заключенныхъ и отпускали ихъ на свободу. Такое дѣйствіе римской власти вполне было возможно по отношенію къ ап. Павлу. Онъ былъ по рожденію римскій гражданинъ, его преступленіе было совершенно непонятно для безрелигіозныхъ римлянъ того времени, и его узы продолжались не болѣе какъ по недоразумѣнію и по могущественному дѣйствію іудейскихъ подкуповъ. Это послѣднее обстоятельство было не безызвѣстно новому префекту города, и онъ, отличая ап. Павла отъ другихъ порученныхъ ему узниковъ, отпустилъ его на свободу, не дожидаясь пока іудеи сами оставятъ его въ покоѣ.

Это освобожденіе произошло, какъ нельзя во время. — Если бы ап. Павелъ не былъ освобожденъ въ началѣ 63 года, то едва-ли онъ успѣлъ бы освободиться послѣ: его пребываніе въ римскихъ узахъ, по всей вѣроятности, окончилось бы смертію. — Въ этомъ, именно, году прибылъ въ Римъ Іосифъ Флавій. Въ его біографіи мы читаемъ: «на 26 году жизни случилось мнѣ быть въ Римѣ... Поселившись въ городѣ Диксархія, который италійцы называютъ Путолами, я вошелъ въ дружбу къ Алитуру. Это былъ комедіантъ, родомъ іудей, бывшій въ великой милости у Нерона. И, сдѣлавшись чрезъ него хорошо извѣстнымъ кесаревой супругѣ Понпее, прежде всего я постарался своими просьбами къ ней исходатайствовать освобожденіе іудейскими священникамъ. А получивъ отъ нея кромѣ сей милости великіе дары, возвратился въ свое отечество» (Жизн. Іос. Флав. 3). — Какъ видно, въ это, описываемое І. Флавіемъ, время іудеи снова пріобрѣли возможность воздѣйствовать на распоряженія римской власти чрезъ Понпею, чего не было нѣсколько ранѣе. Теперь тѣ самые священники, которые были освобождены по просьбѣ Іосифа, могли бы настаивать на казни ап. Павла, если бы онъ еще не былъ освобожденъ до того времени. Но Богъ хранилъ своего ревностнаго миссіонера, — къ этому времени онъ былъ уже освобожденъ отъ узъ, и по своему желанію могъ выбыть изъ Рима и предпринять новое путешествіе для распространенія и укрѣпленія евангельскаго благовѣстія среди человѣческаго рода.

И апостолъ не медлилъ своимъ отбытіемъ изъ Рима. Кромѣ того, что ему могла грозить здѣсь опасность новаго тюремнаго заключенія, его влекло отсюда и желаніе видѣть своихъ чадъ по вѣрѣ во Христа Іисуса. Его поспѣшное отбытіе изъ Рима тѣмъ болѣе очевидно, что и для него самого была совершенно ясна бесполезность его дальнѣйшаго пребыванія здѣсь. На-

строеніе жителей города Рима, начиная съ главы государства и кончая бѣднѣйшимъ пролетаріатомъ, было рѣшительно неподходящимъ къ выслушиванію и воспріятію апостольской проповѣди о покаяніи и самоисправленіи. Постоянныя празднества, постоянныя цирковыя зрѣлища, публичныя повсемѣстныя молебствія и жертвоприношенія, о которыхъ говоритъ Тацитъ, должны были заглушать тихую проповѣдь христіанства. И самое лучшее, что могъ сдѣлать ап. Павелъ, такъ это—благоразумно удалиться на время изъ того новаго потерявшаго и умъ и сердце Вавилона въ другія болѣе благопріятныя для проповѣди мѣста, удалиться съ намѣреніемъ снова прибыть сюда, когда здѣсь сколько-нибудь поутихнутъ радостныя народныя неистовства или, по крайней мѣрѣ, человѣческія души настолько пресытятся ими, что станутъ доступны другому противоположному вліянію.—Такъ ап. Павелъ тотчасъ же послѣ своего освобожденія, т. е. ранней весною 63 года, выбылъ изъ Рима.

Выбытіе изъ Рима.

Куда же и съ кѣмъ направился великій миссіонеръ, вновь почувствовавъ себя свободнымъ, увидя снова полную возможность свободно располагать своими дѣйствіями? Куда? — разумѣется на востокъ отъ Рима, туда, куда прибыть онъ обѣщался въ своихъ посланіяхъ, и куда его влекло желаніе видѣть своихъ духовныхъ чадъ.

Онъ распростился съ римскими христіанами, сѣлъ въ остійской гавани на караванъ и, по Тиренскому морю, мимо береговъ Италіи, направился почти по тому же самому пути, по которому онъ прибылъ сюда. Только теперь была существенная разница въ его положеніи. Тогда онъ ѣхалъ изъ своей родной страны, ѣхалъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ успѣлъ уже много потрудиться, ѣхалъ притомъ узникомъ въ сопровожденіи стражи воиновъ, и, вѣроятно только съ двумя спутниками—сотрудниками: Аристархомъ и Лукою. Теперь онъ ѣхалъ изъ возжеленнаго прежде Рима, ѣхалъ на свой родной востокъ, въ мѣстности ему болѣе или менѣе извѣстныя, ѣхалъ совершенно свободнымъ, — не въ сопровожденіи воиновъ, но вмѣстѣ съ дорогими и близкими лицами, которыя также, какъ и онъ, радовались наступившей свободѣ, радовались предстоящей свободной миссіонерской дѣятельности, радовались будущему свиданію съ родными и знакомыми.

Кто были эти спутники ап. Павла? Можно думать, что ими были всѣ тѣ апостольскіе спутники, которые, прибывъ съ востока въ Римъ, находились здѣсь вмѣстѣ съ апостоломъ въ послѣднее время его узническаго пребыванія. А изъ посланія къ Филимону мы узнаемъ, что съ ап. Павломъ при написаніи имъ этого посланія были Епафрасъ, Маркъ, Аристархъ, Димасъ

и Лука (ст. 23). Каждый изъ этихъ апостольскихъ сотрудниковъ имѣлъ болѣе или менѣе сильное желаніе побывать на востокѣ и тѣ или другія побужденія и причины для выполненія этого желанія. Потому они рады были случаю и съ большою охотою сдѣлались спутниками апостола, своего друга и наставника. Но были-ли среди этихъ спутниковъ Тимофей и Титъ? Несомнѣнно были и они вмѣстѣ съ апостоломъ. Они были самыми любимыми, полезными и дѣятельными его сотрудниками, и онъ разлучался съ ними только въ крайней нуждѣ. Съ Титомъ онъ разстался только лишь тогда, когда нужно было оставить его въ Критѣ, гдѣ нуженъ былъ мудрый руководитель и твердый устроитель вновь основанной, но еще несовершенной, церкви. Тимофея же ап. Павелъ только лишь послѣ оставилъ въ Ефесѣ, сдѣлавъ его епископомъ этого города, христіане котораго, живя въ большомъ торговомъ языческомъ городѣ, нуждались всегда въ особенно строгомъ наблюденіи за правильнымъ развитіемъ ихъ внутренней христіанской жизни.

Итакъ, общество христіанскихъ проповѣдниковъ, отправившихся изъ Рима на востокъ, состояла изъ самого апостола и его семи сотрудниковъ.

Посѣщеніе о. Крита.

Какія же мѣстности намѣревался посѣтить освобожденный апостолъ? Не думалъ-ли онъ посѣтить Іерусалимъ, эту колыбель христіанства? Сюда онъ когда-то снѣшилъ, возвращаясь изъ своего третьяго миссіонерскаго путешествія, сюда заходилъ онъ послѣ второго и послѣ перваго. Можетъ быть и теперь послѣ пребыванія въ Римѣ, послѣ выполненія своего давнишняго желанія проповѣдывать въ этомъ многочисленномъ городѣ, онъ также рѣшилъ посѣтить славный Іерусалимъ, зайти въ немъ въ храмъ Божій, вознести здѣсь благодарственные Господу Богу молитвы и посмотреть здѣсь все тѣ мѣста, которыя были освящены пребываніемъ самого Иисуса Христа во время Его земной жизни.—Можетъ быть это желаніе и было у апостола, только ему несуждено было осуществиться.

На этомъ пути на востокъ путешественникамъ пришлось проѣзжать мимо о. Крита. Ап. Павелъ вспомнилъ о своемъ кратковременномъ, бывшемъ два года тому назадъ, пребываніи въ одной изъ его гаваней по случаю кораблекрушенія, вспомнилъ и о своемъ сильномъ тогдашнемъ желаніи сойти на его берегъ, побыть подольше среди его жителей и заняться просвѣщеніемъ ихъ свѣтомъ христіанской истины. Но въ то время его желанію было не суждено осуществиться; онъ былъ тогда подневольнымъ узникомъ и обязанъ былъ слѣдовать туда, куда повлекутъ его приставленные къ нему воины. А сотникъ Юлій, вмѣстѣ съ начальникомъ корабля рѣшили

выплыть изъ этой гавани, въ которую ихъ занесла буря, и поискать другой болѣе удобной; но буря помѣшала этому ихъ намѣренію, и корабль попалъ на отдаленный отъ Крита о. Мелитъ. (Дѣян. 27 гл.)

Вотъ теперь апостолъ снова проѣзжаетъ мимо того же Крита. Теперь онъ былъ свободенъ располагать своими дѣйствіями, и могъ высадиться на берегъ, если ему было это желательно. Но можно-ли сомнѣваться въ этомъ желаніи апостола, можно-ли предполагать, чтобы ревностный апостолъ языковъ проѣхалъ мимо большого и густо населеннаго острова и не пожелалъ и не попытался и его жителей просвѣтить своею проповѣдью, зная, что здѣсь еще никѣмъ не было проповѣдуемо имя Христово? — Нѣтъ! Апостолъ долженъ былъ вмѣстѣ съ своими спутниками высадиться на интересовавшій его и ранѣе о. Критъ.

Кромѣ того вполне возможно, что корабль, на которомъ ѣхалъ ап. Павелъ, имѣлъ нужду заѣхать въ какую-либо гавань Крита по своимъ торговымъ дѣламъ и независимо отъ желанія своихъ пассажировъ. — Между знаменитыми и богатыми городами сѣвернаго берега Крита, снабженными удобными гаванями, былъ г. Кидонія, нынѣшняя Канія. Къ ея то гавани, проѣхавши мимо мысовъ Корики и Псака, и присталъ корабль ап. Павла. Еще не высаживаясь на берегъ путники могли любоваться живописною природою острова, красивыми видами горъ, особенно возвышавшейся надъ всѣми другими горы Иды, понынѣшнему Псиларитиса, привлекательною панорамою небольшихъ рѣчекъ, часто прорѣзывающихъ островъ по направленію къ морскому берегу, и украшенныхъ то подступающими къ ихъ берегамъ лѣсами, то растиравшимися городами и селеніями. Въ самой гавани и особенно въ городѣ высадившихся путниковъ ожидали толкотня и шумъ обширной торговли и говоръ многочисленной толпы, состоявшей изъ людей разныхъ племенъ и народностей. Куда было дѣться впервые прибывшимъ проповѣдникамъ христіанства? гдѣ на первый разъ остановиться для отдыха, къ кому обратиться за первыми необходимыми свѣдѣніями объ островѣ, о томъ городѣ, о его жителяхъ и о ихъ интересахъ?

Если изъ спутниковъ ап. Павла были такіе, которымъ ранѣе пришлось побывать на островѣ, у которыхъ могли быть, такимъ образомъ, знакомства, то положеніе проповѣдниковъ значительно облегчалось. Но если этого и не было, если всѣ спутники апостола только впервые появились на тотъ языческій островъ, то и тогда они не были лишены всѣхъ руководствъ въ своемъ новомъ положеніи. — Во всякомъ случаѣ на о. Критѣ были іудеи разсѣяніи, были даже и прозелиты. По крайней мѣрѣ въ кн. «Дѣяній» мы находимъ упоминаніе о критянахъ, посѣщавшихъ Іерусалимъ во времена праздничныхъ религіозныхъ іудейскихъ торжествъ (2,11). Къ

этимъ-то іудеямъ и прозелитамъ, какъ къ своимъ соплеменникамъ и единовѣрцамъ и могъ обратиться ап. Павелъ.

Ему уже не первый разъ приходилось быть въ такомъ положеніи, и не въ первый разъ онъ былъ вынуждаемъ отыскивать своихъ единоплеменниковъ; его прошедшая миссіонерская практика была богата подобными случаями, и онъ уже узналъ, какъ нужно было поступать ему. — Ап. Павелъ, приходя въ новый, еще незнакомый ему, городъ, по извѣстію Луки, обыкновенно заявлялся къ іудеямъ и, если было можно, то прямо въ синагогу. Но этого послѣдняго можно и не предполагать по отношенію къ посѣщенію ап. Павломъ о. Крита. Ап. Павелъ къ этому времени уже окончательно убѣдился, что іудеи своимъ упорствомъ, своимъ противленіемъ проповѣди христіанства лишили себя того права, признавая которое, апостолъ прежде обращался сначала къ нимъ, а потомъ уже къ язычникамъ. Умудренный опытомъ, онъ теперь съ большею надеждою на успѣхъ обращался къ прозелитамъ іуданзма; они всегда оказывались болѣе доступными христіанской проповѣди. Поэтому, прибывши въ г. Кандію, апостолъ вмѣстѣ съ своими спутниками помѣстился въ какой либо общественной гостинницѣ, которыхъ должно быть немало въ этомъ греческомъ торговомъ городѣ. Отсюда онъ могъ навести справки, здѣсь же онъ даже могъ начать и свои проповѣдническіе труды. А такъ какъ съ необходимостію нужно предполагать, что на о. Критѣ христіанство къ этому времени было небезызвѣстно, то въ лицѣ этихъ первохристіанъ апостолъ нашелъ какъ-бы переходную ступень къ общей массѣ тамошнихъ жителей. Такимъ образомъ апостольская проповѣдь о христіанскихъ истинахъ имѣла первыхъ своихъ слушателей среди тѣхъ іудеевъ, или прозелитовъ-грековъ, которые удостоились слышать и кое-что воспринять изъ новой христіанской религіи въ самой Палестинѣ или отъ самихъ апостоловъ или отъ ихъ учениковъ и послѣдователей. Ихъ христіанскія понятія были не полны, ихъ познанія неясны и благодатные дары христіанскихъ таинствъ не могли быть получены ими во всей полнотѣ. Поэтому надлежало первѣе всего заняться довершеніемъ ихъ христіанскаго религіознаго просвѣщенія и преподавать имъ христіанскія таинства. Примѣръ такой постепенности въ раскрытіи апостольской проповѣди мы можемъ наблюдать, по повѣствованію кн. «Дѣяній», на проповѣднической дѣятельности св. ап. Павла въ Ефесѣ, гдѣ онъ, найдя нѣкоторыхъ учениковъ, крещеныхъ крещеніемъ Іоанновымъ, началъ ее именно съ того, что, крестивъ ихъ крещеніемъ христіанскимъ, возложилъ на нихъ руки для сообщенія даровъ Св. Духа. Какъ въ Ефесѣ, такъ, вѣроятно, и въ Кидоніи долнѣйшія свои дѣйствія апостолъ сообразовалъ съ тѣми свѣдѣніями, которыя могли сообщить ему кидскіе первохристіане. Черезъ нихъ апостолъ могъ ознакомиться съ положеніемъ города и съ характеромъ его народо-

населенія, что для него было вполне необходимо. Онъ осматрѣлъ всѣ языческіе храмы, побывалъ на рынкахъ и торжищахъ, заходилъ и въ общественные суды. Благодаря этимъ посѣщеніямъ и распросамъ онъ узналъ о характерѣ и нравахъ жителей, о ихъ племенномъ составѣ, о ихъ религіи и общественныхъ обычаяхъ, и т. п. И въ умѣ апостола постепенно создавался образъ критянина, которому онъ долженъ былъ проповѣдывать евангеліе. Со времени обращенія о. Крита въ въ римскую провинцію его жители опустились нравственно и пріобрѣли дурную славу лжецовъ и обманщиковъ.

Поэтому ап. Павлу при проповѣди христіанскихъ истинъ приходилось бороться не только съ прежними религіозными языческими убѣжденіями, но и съ самою испорченностію человѣческой природы. Языческая религія критянъ, ослабленная знакомствомъ съ другими религіями и увлеченіемъ практическими жизненными интересами и погоней за удовольствіями, не могла быть особенно сильнымъ препятствіемъ распространенію христіанства.

Болѣе сильное и почти единственное препятствіе составляла та испорченность критскаго общества, которая была паразитична даже и въ то безнравственное и безпринципное время. Въ города Крита стекалось все худое изъ Европы, Азии и Африки и находило благопріятную почву для своего дальнѣйшаго развитія.

Превосходный здоровый климатъ, обиліе плодовыхъ деревьевъ всякаго рода, плодородіе почвы, наконецъ, выгодная торговля, все это было причиною развитія среди критянъ особенной чувственности. Самъ ап. Павелъ, вообще кроткій и снисходительный къ порокамъ и недостаткамъ людей и терпимый къ ихъ заблужденіямъ, готовый всегда прощать имъ слабости ихъ немощной человѣческой природы, произноситъ очень суровый приговоръ о нравственномъ достоинствѣ критянъ. Именно, когда ему пришлось впослѣдствіи писать о нихъ Титу, и когда ему припоминалось все то зло, съ которымъ ему самому нужно было бороться на о. Критѣ, онъ совѣтуетъ своему ученику строго обличать критянъ, чтобы они здравы были въ вѣрѣ; и это потому, что критяне по своему внутреннему состоянию и душевному настроенію совершенно особенные люди: они всегда лжецы, злые звѣри, утробы лѣнивыя (1, 12, 13). Въ дѣлѣ распространенія христіанства и водворенія христіанской нравственности какъ Титу, такъ ранѣе и самому апостолу приходилось прежде всего преодолѣвать косность природы критянина (утробы лѣнивыя), возбудить въ немъ интересъ къ нуждамъ его души и подвигнуть его къ дѣятельному отношенію къ его собственнымъ духовнымъ потребностямъ. Освобожденный отъ душевной косности и безпечности, критянинъ нуждался въ помощи и руководствѣ при исправленіи его дурной извращенной природы, воспитанной въ эгоизмъ, плотугодіи и

жестокости (злые звѣри). За нимъ нуженъ былъ постоянный строгій надзоръ. Его изолгавшаяся природа, укоренившееся и какъ бы узаконенное общемъ обычаемъ стремленіе обманывать другихъ, все это требовало самого внимательнаго отношенія къ его нравственно-религіозному состоянію. Не возможно было безъ строгаго испытанія вѣрить его обращенію, его раскаянію и его обѣщанію оставить свои прежніе языческіе заблужденія и пороки. И должно быть апостолу не разъ приходилось сталкиваться съ этою коренною испорченностію критянина. Вѣроятно среди его обращенцевъ и даже учениковъ находились такіе которые, послѣ пребыванія съ апостоломъ въ качествѣ его учениковъ и послѣдователей, снова возвращались къ своей прежней жизни и ея порочности. Этимъ только и можно объяснить его строгое предписаніе Титу: еретика, послѣ перваго и втораго вразумленія, отвергайся, зная, что таковой развратился и грѣшитъ, будучи самоосужденъ (3, 10, 11). Да и вообще все посланіе къ Титу наполнено осужденіемъ безнравственности критскаго общества, совѣтами о самомъ строгомъ и внимательномъ отношеніи ко всякому шагу, ко всякому дѣлу, какъ вообще всего критскаго общества, такъ и cadaго его члена въ отдѣльности. И несмотря на проникающій посланіе всепрощающій духъ апостольской любви, въ отдѣльныхъ мѣстахъ и выраженіяхъ часто слышится какъ бы нѣкоторое раздроженіе апостола.— Борясь съ общими недостатками критянъ, ап. Павелъ для укорененія въ нихъ христіанскихъ понятій и христіанской жизни долженъ былъ возставать и противъ нѣкоторыхъ частныхъ и какъ бы случайныхъ дурныхъ ихъ качествъ и явленій въ ихъ жизни. Онъ замѣчалъ, что критяне какъ язычники, такъ особенно обращенные въ христіанство пренебрежительно относились къ властямъ, можетъ быть, считая себя въ состояніи управиться сами собою, или предосудительно смотря вообще на все языческое начальство. Таковымъ онъ и послѣ писалъ, чтобы они повиновались и покорялись властямъ и были готовы на всякое доброе дѣло. Въ томъ же посланіи къ Титу онъ увѣщевалъ ихъ не злословить, быть несварливыми, но тихими и оказывать всякую кротость ко всѣмъ человѣкамъ (3, 1. 2).

Если таковы были всѣ граждане о. Крита, то едва ли лучше, а вѣроятно еще и хуже были низшіе члены общества, рабы. Классъ рабовъ на о. Критѣ долженъ былъ быть особенно многочисленнымъ, и состоялъ не только изъ привезенныхъ и купленныхъ жителей другихъ странъ, но и изъ туземныхъ коренныхъ жителей острова. Пороки, свойственные высшимъ классамъ, были еще въ большей степени присущи рабамъ, но у нихъ, сообразно ихъ особому общественному положенію, были и особенные пороки и недостатки. Ап. Павелъ, какъ проповѣдникъ всеобъемлющей христіанской религіи, обращаясь съ проповѣдью и къ этому классу общества, дол-

женъ былъ прибѣгать къ особннымъ мѣрамъ и особнымъ способамъ воздѣйствія. Трудность такого приспособленія не устранила проповѣдника; и въ свою бытность на Критѣ онъ приобрѣлъ много членовъ для христіанской церкви и изъ среды этихъ угнетенныхъ и обездоленныхъ рабовъ. О нихъ онъ вспомнилъ и въ своемъ посланіи къ Титу, вспомнилъ и о тѣхъ недостаткахъ, которыми особенно страдала ихъ приниженная среда. «Титъ, пишетъ апостолъ, рабовъ увѣщевай повиноваться своимъ господамъ, угождать имъ во всемъ, не красть, но оказывать добрую вѣрность, дабы они во всемъ были украшеніемъ ученію Спасителя нашего Бога» (2, 9. 10).

Недолго оставался апостолъ съ своими спутниками въ городѣ Кидоніи; мѣстомъ его дѣятельности долженъ былъ быть весь о. Критъ. Поэтому, просвѣтивши въ Кидоніи свѣтомъ евангельской истины болѣе или менѣе значительное число тамошнихъ обитателей, укрѣпившіе и усовершенствовавшіе въ христіанскомъ познаніи ранѣе ознакомившихся съ христіанскою богооткровенною религіею, и сообщивши имъ благодатные дары, апостолъ направился въ глубь острова. Здѣсь онъ посѣщалъ города и мѣстечки и вездѣ хотѣлъ принести посильную духовную пользу ихъ обитателямъ. Но нельзя думать, чтобы онъ старался захватить какъ можно больше количество мѣстечекъ. Нѣтъ, онъ не любилъ разбрасываться въ своей проповѣди; онъ старался обыкновенно, хотя и не въ многихъ пунктахъ, но болѣе твердо укоренить христіанскія истины. Онъ хорошо сознавалъ, что твердо укоренившаяся въ одномъ мѣстѣ христіанская истина сама потомъ распространится на болѣе обширное пространство. Потому-то и слѣдуетъ предполагать, что во время своего путешествія по Криту апостолъ останавливался только въ болѣе значительныхъ городахъ и селеніяхъ, пока, переходя изъ одного города въ другой, не прибылъ въ г. Итанъ, находившійся уже на самомъ восточномъ берегу острова.

Что же теперь нужно было дѣлать апостолу? Идти ли назадъ по острову, посѣщая новые города и навѣщая тѣ, въ которыхъ онъ былъ и прежде, или же совсѣмъ выбыть съ Крита?—Обращаясь умственнымъ взоромъ назадъ, апостолъ видѣлъ много разсѣянныхъ по всему пространству острова городскихъ христіанскихъ общинъ. Немногочисленны они были по количеству своихъ членовъ, можетъ быть даже неособенно совершены въ христіанскомъ познаніи и въ христіанской жизни. Что же не снова ли идти къ нимъ самому апостолу и позаботиться объ ихъ количественномъ увеличеніи и качественномъ усовершенствованіи?—Конечно, ап. Павелъ не приминуть бы возвратиться къ своимъ новымъ чадамъ о Христѣ, еслибы этого неизбѣжно требовало ихъ положеніе,—но было-ли оно таково? Едва-ли. Апостолъ былъ на островѣ во всякомъ случаѣ неособенно короткое время; былъ при томъ не одинъ,

но въ сопровожденіи семи вѣрныхъ и опытныхъ въ христіанской проповѣди сотрудниковъ. Такъ что нужно ждать, что проповѣдники переходя изъ одного мѣста въ другое, оставляли въ предыдущемъ христіанское общество настолько просвѣщенное спасительною истинною, что оно было способнымъ къ дальнѣйшему самостоятельному существованію и развитію.

Ап. Павелъ зналъ все это, зналъ также и то, что у него есть и въ другихъ странахъ духовныя дѣти и имъ учрежденныя христіанскія общины, которыя теперь нуждались въ его личномъ руководствѣ, и которымъ онъ ранѣе еще изъ Рима писалъ о своемъ намѣреніи посѣтить ихъ. Онъ вспомнилъ о малоазійскихъ церквахъ и о церквахъ Балканскаго полуострова, и его любвеобильная душа возгорѣла желаніемъ быть тамъ и присутствовать въ нихъ лично. И онъ рѣшилъ немедленно же оставить Критъ. Это представлялось тѣмъ болѣе возможнымъ для него, что около него были такіе люди, которыми онъ могъ поручить довершеніе недоконченнаго на о. Критѣ (Тит. 1, 5). Съ нимъ былъ его любимый ученикъ, истинный сынъ по общей вѣрѣ, Титъ; на него онъ вполне могъ положиться въ этомъ трудномъ дѣлѣ довершенія христіанской проповѣди. Титъ съ самаго своего обращенія сопровождалъ апостола, участвовалъ во всѣхъ его трудахъ проповѣдничества, и могъ быть вполне достойнымъ и способнымъ замѣстителемъ апостола и авторитетнымъ въ дѣлѣ управленія новою критскою церковію. Поэтому-то ап. Павелъ съ полною увѣренностію въ успѣхѣхъ препоручаетъ ему не только довершить недоконченное, но и поставить по всѣмъ городамъ пресвитеровъ. Самъ же апостолъ ищетъ въ гавани Итана нужный корабль и спѣшитъ уѣхать на немъ заблаговременно, пока еще не началось бурное зимнее время и не прекратилась навигація.—Такъ, оставивъ на о. Критѣ Тита своимъ замѣстителемъ, ап. Павелъ осенью 63 года отправился далѣе на востокъ по средиземному морю въ сопровожденіи оставшихся при немъ сотрудниковъ.

Отплытіе съ о. Крита на востокъ.

Несомнѣнно, отплывши съ Крита, ап. Павелъ имѣлъ желаніе побывать въ Іерусалимѣ, посѣтить іерусалимскій храмъ, помолиться въ немъ Господу Богу. Но чѣмъ болѣе приближался онъ къ этому городу, тѣмъ очевиднѣе становилось несбыточнымъ это его желаніе. Не потому оно было несбыточно, что были какія-либо формальныя препятствія для самаго вступленія его въ Іерусалимъ, но потому, что это вступленіе было равносильно для апостола обреченію себя на вѣрную смерть. Ненависть противъ него со стороны іудеевъ была сильна и ранѣе; теперь она увеличилась еще болѣе послѣ того, какъ они безплодно потратили всѣ свои усилія, чтобы обвинить его

предъ римскимъ судомъ. Можно даже думать, что уже на о. Критѣ, не особенно отдаленномъ отъ Іерусалима, іудеи дали понять апостолу, чего онъ можетъ ожидать отъ нихъ въ ихъ отечественномъ городѣ, гдѣ они пользовались значительнымъ вліяніемъ и даже властію. А событія того времени способны были какъ увеличить смѣлость іудеевъ въ проявленіи ихъ религіозной нестерпимости, такъ и внушить еще большія опасенія самому апостолу. Именно въ это время вступилъ въ отправленіе первосвященническихъ обязанностей Ананъ. Іудейскій проконсулъ Фестъ скончался въ 62 или въ началѣ 63 года; на его мѣсто былъ назначенъ Албинъ, находившійся въ то время на должности въ Александріи. Прибытіемъ въ Палестину онъ почему-то замедлилъ, и вся власть управленія іудеею фактически сосредоточилась въ рукахъ первосвященника Анана. Это тотъ самый Ананъ, о которомъ историкъ Юсифъ Флавій говорилъ какъ о человѣкѣ особенно строгомъ и жестокомъ при отправленіи судопроизводства, такъ какъ онъ принадлежалъ къ сектѣ саддукеевъ (Древ. 20, 9). И конечно ап. Павлу, бывшему фарисею, пока на первосвященническомъ престолѣ былъ этотъ саддукей, нельзя было и думать показываться въ Іерусалимъ: вѣдь противъ него, было въ такомъ случаѣ не только то, что онъ проповѣдуетъ христіанство, но и то, что онъ по своему происхожденію фарисей. Можетъ быть даже, что апостоль услышалъ о томъ, какъ поступилъ первосвященникъ Ананъ съ братомъ І. Христа, Праведнымъ Іаковомъ: этотъ послѣдній по приказанію первосвященника былъ схваченъ, обвиненъ въ вѣрѣ въ І. Христа и, сброшенный съ кровли храма, былъ умерщвленъ. Подобная же участь могла ожидать и ап. Павла. И это тѣмъ болѣе было возможно, что іудеи питали къ нему еще большую ненависть, тѣмъ къ праведному Іакову, котораго они все-таки глубоко уважали за его строгое исполненіе обрядоваго Моисеева закона.

Взвѣсивая все это, апостоль, надо полагать, съ сожалѣніемъ долженъ былъ отказаться отъ посѣщенія священнаго Іерусалима, или, по крайней мѣрѣ, отложить его на нѣкоторое время. Теперь же онъ могъ пріѣхать въ какой-либо другой городъ, неособенно отдаленный отъ Іерусалима, но вполне обезопасенный отъ злостной власти іудеевъ. По этому надо думать, что ап. Павелъ, отплывъ съ о. Крита, направился на востокъ съ прямымъ намѣреніемъ посѣтить прежде всего Антиохію Сирійскую,—на это есть прямое указаніе въ апокрифическомъ произведеніи, такъ называемомъ «Акты Павла и Феклы».

Посѣщеніе Антиохіи Сирійской.

Антиохія—въ то время главный городъ Сиріи, и правители страны имѣли въ ней свою резиденцію. Она была основана Селевкомъ Никаторомъ въ плодотворной долинѣ р. Оронта,

и представляла собою четыре части (тетраполь), которыя были окружены одною общею стѣною. Этотъ городъ пользовался извѣстностію въ первыя времена христіанства; послѣ онъ сталъ извѣстенъ какъ родина св. Іоанна Златоуста, Ливанія и Эвагрія.

Въ этотъ городъ, бывшій ему уже хорошо извѣстнымъ, п прибылъ теперь ап. Павелъ. Съ нимъ у апостола были связаны самыя дорогія воспоминанія. Здѣсь онъ впервые выступилъ на проповѣдь христіанства подъ руководствомъ Варнавы, здѣсь онъ видѣлъ первые успѣхи своей проповѣднической дѣятельности, отсюда они вмѣстѣ съ Варнавою были отправлены въ свое первое великое миссіонерское путешествіе, какъ избранные Самимъ Богомъ для просвѣщенія язычниковъ свѣтомъ христіанской истины. Впослѣдствіи ап. Павелъ при всякомъ удобномъ случаѣ заходилъ въ Антиохію, если и не для того исключительно, чтобы потрудиться здѣсь на утвержденіе христіанской церкви, то для того, чтобы утѣшиться общеніемъ съ своими первыми духовными чадами. Подобная же цѣль могла быть у апостола и въ теперешнее посѣщеніе имъ этого города. И это можетъ быть и было главнымъ, что привлекло его сюда, а его намѣреніе перейти отсюда въ Іерусалимъ было болѣе, чѣмъ второстепеннымъ побужденіемъ. Это намѣреніе, подорванное раннѣйшими слухами объ историческихъ обстоятельствахъ того времени, по прибытіи апостола въ Антиохію, должно было быть и совсѣмъ оставлено имъ. Ненависть къ нему іудеевъ оказалась чрезвычайною, а ихъ сила и дерзость возрасли до такой степени, что были не ожиданны даже и для него самого. Весь народъ въ Палестинѣ былъ въ страшномъ возбужденіи, вездѣ бродили опасныя шайки разбойниковъ; всюду какъ бы подготовлялось возстаніе, и римская власъ не находила достаточныхъ мѣръ для обузданія религиозно-патріотическаго фанатизма іудеевъ. Этотъ фанатизмъ проявлялъ себя въ очень рѣзкой формѣ и даже внѣ предѣловъ собственной Палестины; сама Сирія и ея столица Антиохія не были безопасны отъ его страшныхъ проявленій.

Силу іудейскаго фанатизма въ Антиохіи пришлось испытать на себѣ и ап. Павлу, и вѣроятно вскорѣ же послѣ его прибытія сюда. Перемѣна въ положеніи вещей была тотчасъ же замѣчена апостоломъ. Если прежде ему устраивали здѣсь торжественныя встрѣчи, если тогда христіане открыто высказывали свою радость при его посѣщеніяхъ, то теперь они побоялись даже выдти къ нему навстрѣчу. Онъ безъ приглашенія вошелъ въ домъ, знакомый ему попрежнему, но въ радости хозяина не могъ не замѣтить примѣси какой-то робости и сдержанности. Для него, конечно, все это вскорѣ же объяснилось и стало понятнымъ,—тѣмъ болѣе, что и ранѣе въ этомъ же самомъ городѣ ему пришлось обличить даже ап. Петра за его боязливую уступчивость предъ требователь-

ностію іудействующихъ. Но теперь обстоятельства были хуже. Онъ не только не могъ съ силою и властію возстать противъ боязливыхъ и робкихъ, но даже, уступая необходимости, долженъ былъ и самъ оставить городъ. Уходя отсюда, онъ не только устранялъ особую причину возгорѣвшей по случаю его прихода сюда фанатической ненависти іудействующихъ противъ христіанъ изъ язычниковъ, и такимъ образомъ избавлялъ городъ отъ лишней смуты и безпокойства, но и самъ избѣгалъ возможности пострадать безцѣльно отъ ярости своихъ враговъ. Поэтому ап. Павелъ вскорѣ же послѣ своего прибытія снова удалился изъ Антиохіи. — Только этимъ недолговременнымъ и несомнѣнно безплоднымъ пребываніемъ апостола въ Антиохіи и можно объяснить то заявленіе св. Златоуста, что онъ не знаетъ, былъ ли апостолъ Павелъ снова въ этой странѣ.

Пребываніе въ Иконіи и другихъ городахъ Малой Азіи.

Съ горечью и сожалѣніемъ покидалъ ап. Павелъ свой прежде любимый и дорогой городъ; но, какъ передаютъ намъ «Акты Павла и Феклы», покидалъ безъ злобы и раздраженія. Онъ, какъ проповѣдникъ мира и любви, по заповѣди Спасителя выходилъ изъ непринявшаго его города безъ негодованія на него, лишь отрясши пыль отъ ногъ своихъ, въ знакъ своего отреченія судить его поступокъ по отношенію къ себѣ. Іудеи по своему обыкновенію не ограничились тѣмъ, что изгнали апостола изъ одного города, они послали вслѣдъ за нимъ Димаса и Гермогена, которые и въ другихъ мѣстахъ, куда прибудетъ онъ, должны были препятствовать успѣхамъ его проповѣди. Но старецъ апостолъ, умудренный опытомъ, изучившій и познавшій до сокровенной глубины человѣческое сердце и человѣческую природу, не могъ быть возмущенъ и этимъ поступкомъ своихъ іудействующихъ враговъ. Онъ простилъ имъ за себялично и заботился только о томъ, чтобы и ихъ отвратить отъ ненависти къ нему и наполнить ихъ сердца любовію къ проповѣдываемому имъ І. Христу, Сыну Божію. Поэтому всю дорогу отъ Антиохіи до Иконіи, онъ, какъ повѣствуютъ намъ тѣ же «акты», «улаждалъ ихъ слухъ и сердце словами обѣ, Іисусѣ Христѣ».

Непринятый въ Антиохію и почти изгнанный оттуда, апостолъ направилъ свои стопы въ другія основанныя имъ же Мало-азійскія церкви. Онъ держалъ тотъ же путь, который былъ ему уже хорошо извѣстенъ изъ его прежнихъ путешествій. Вмѣстѣ съ своими спутниками и сотрудниками онъ направился къ городамъ Иконіи, Листръ и Антиохіи Писидійской. Здѣсь онъ имѣлъ надежду на утѣшительное общеніе съ дорогими общинами и съ тѣми ихъ членами, которые были особенно близки его сердцу, ибо были близки его дѣлу про-

повѣдничества. Въ Иконіи онъ думалъ найти Онисифора, а въ Колоссахъ—Филимона. Послѣднему онъ писалъ еще изъ Рима, что, послѣ своего освобожденія изъ узъ, онъ обязательно посѣтитъ его, и даже просилъ его приготовить себѣ помѣщеніе повидимому на довольно продолжительное время (Фил. 22). Но удалось-ли апостолу посѣтить въ Колоссахъ своего духовнаго сына рѣшить трудно;—скорѣе всего не удалось. Ап. Павелъ слишкомъ долго промедлилъ на о. Критѣ, а въ Малой Азіи ему приходилось подвергаться слишкомъ жестокимъ преслѣдованіямъ, которые не могли, конечно, не отозваться на его старческомъ здоровьѣ. Вѣрнѣе всего допустить, что Филимонъ, узнавъ о приходѣ апостола въ Ликаонійскіе города, самъ поспѣшилъ къ нему навстрѣчу и имѣлъ съ нимъ свиданіе и бесѣду въ какомъ-нибудь изъ нихъ. Что же, теперь, сказать объ Онисифорѣ?—Изъ упоминанія о немъ въ 2 Тим. 1, 16—18 можно вывести заключеніе, что Онисифоръ, оказавшій большія услуги апостолу въ Ефесѣ, имѣлъ здѣсь и свое постоянное мѣстопробываніе. Но это едва-ли вѣрно. Вѣрнѣе его родиною и мѣстопробываніемъ его семейства слѣдуетъ считать городъ Иконію. По крайней мѣрѣ на это мы находимъ прямое указаніе въ «Актахъ Павла и Тимотея».—Здѣсь разсказывается, что Онисифоръ, увѣдомленный однимъ изъ учениковъ апостола о приближеніи послѣдняго къ городу Иконіи, съ радостію выходитъ къ нему на встрѣчу и приводитъ его въ свой домъ. Въ честь прибывшаго изъ далекаго путешествія ап. Павла устраивается торжественная вечерняя трапеза, къ которой приглашается и много другихъ лицъ.

Собраніе это имѣло въ виду воспользоваться случаемъ и послушать назидательную проповѣдь великаго миссіонера. И апостолъ Павелъ не обманулъ ихъ ожиданій. Онъ началъ продолжительную бесѣду о разныхъ предметахъ евангельскаго благовѣстія. Онъ говорилъ о заповѣдяхъ блаженства, о будущемъ царствіи Божіемъ, о чистотѣ и достоинствѣ дѣвственной жизни... Съ благоговѣніемъ внимали ему собравшіеся слушатели, и многіе рѣшали въ своемъ умѣ и сердцѣ быть твердыми исполнителями его предписаній и наставленій. Между прочими слушателями была и одна молодая гражданка Иконіи Тимотея. Глубоко тронутая назидательною проповѣдью апостола, она тотчасъ же рѣшила навсегда отказаться отъ замужества и сдѣлаться постоянною спутницею и участницею въ его проповѣдническихъ трудахъ. Она не отказалась отъ своего намѣренія и тогда, когда ея мать и ея женихъ Тамира, узнавъ объ этомъ, всячески старались возвратить ее къ прежней жизни. Но всѣ ихъ убѣжденія остались напрасными, и имъ нечего не оставалось болѣе, какъ въ безсильной злобѣ подвергнуть преслѣдованію апостола Павла,—виновника переменъ ея мыслей и ея образа жизни. Тамира вмѣстѣ съ Димасомъ и Гермогеномъ поднимаютъ народное возмущеніе и влекутъ апостола къ началь-

нику города,—проконсулу, а этотъ послѣдній заключаетъ проповѣдника въ темницу до окончательнаго разбирательства его дѣла. Къ нему въ темницу, подкупивши сторожей, проникаетъ Фекла и внимательно слушаетъ его душеспасительную бесѣду. Для Феклы это было совершенно необычнымъ и новымъ дѣломъ, но для апостола уже нѣсколько разъ повторявшимся. Такое народное преслѣдованіе въ этой же самой Иконіи ему приходилось испытать второй уже разъ. Ему еще было памятно, какъ во время его перваго миссіонерскаго путешествія въ этомъ же самомъ городѣ «язычники и іудеи съ своими начальниками устремились на нихъ (Павла и Варнаву), чтобы посрамить ихъ и побить камнями» (Дѣян. 14, 5). Но тогда онъ благополучно избѣжалъ опасности, теперь же онъ сидитъ въ оковахъ, въ темницѣ, и не знаетъ, чѣмъ кончится это заключеніе. Лишь надежда на всеблагую и премудрую промыселъ Божій укрѣпляла его. И эта надежда не обманула его. Вскорѣ онъ снова призывается къ проконсулу, который, чтобы удовлетворить, хотя и несправедливыя, требованія враговъ апостола, наказываетъ его бичемъ и приказываетъ удалиться изъ города.

Такимъ образомъ уже изъ второго города апостолъ быть изгоняемъ послѣ того, какъ освободившись изъ римскихъ узъ, предпринялъ свое новое миссіонерское путешествіе. Измученный тюремнымъ заключеніемъ и обезсиленный бичеваніемъ, апостолъ, послѣ изгнанія изъ Иконіи, не могъ отправиться прямо въ дальнѣйшее путешествіе: его старческая плоть требовала болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха и покоя. И вотъ, по сообщенію «Актовъ», мы видимъ его удалившимся въ сосѣднюю горную пещеру. Впрочемъ, онъ удалился сюда не одинъ; съ нимъ были его друзья, особенно необходимые ему въ его настоящемъ положеніи; съ нимъ же были и члены семейства Онисифора, не оставлявшие апостола въ несчастіи. Скоро къ нему пришла и Фекла, отпущенная начальникомъ города на свободу послѣ неудачной попытки сжечь ее на костре.

Послѣ достаточнаго отдыха, апостолъ Павелъ вмѣстѣ съ Феклою отправляется въ другіе города, которые были ранѣе намѣчены имъ для посѣщенія. Нужно думать, что такимъ городомъ была и Листра. Не могъ обойти ее апостолъ, будучи такъ недалеко отъ нея. Онъ былъ въ ней во время всѣхъ своихъ трехъ путешествій (Дѣян. 14, 6; 16, 1; 18, 23). Особенно должно было быть памятнымъ его первое посѣщеніе этого тогда совершенно языческаго города. Тогда его съ Варнавою сначала превознесли какъ явившихся боговъ за исцѣленіе ими невлаждѣвшаго ногами, а потомъ побили камнями и апостола Павла полумертвымъ выбросили за городскую стѣну. Какъ приняли его здѣсь теперь по истеченіи столь долгаго времени, когда большинство жителей города сдѣлались послѣдовате-

лями І. Христа? Едва-ли благопріятно. Судя по пріемамъ въ другихъ городахъ скорѣе можно предполагать противное. Большая впечатлительность жителей и ихъ доступность постороннему вліянію были очень удобною почвою для возбужденія ихъ со стороны іудеевъ противъ проповѣдника христіанства. Такъ что и этотъ городъ, дорогой ему по прежней его дѣятельности въ немъ, апостолъ Павелъ долженъ былъ оставить съ горечью и состраданіемъ, съ неудовлетворенною жаждою любовнаго общенія съ своими духовными чадами, успѣвающими въ христіанскомъ совершенствованіи.

Удрученный тѣлесно старческими немощами, духовно-прискорбными обстоятельствами своего путешествія, апостолъ Павелъ вмѣстѣ съ Феклою, своею новою духовною дочерью, медленно направился къ Антиохіи Писидійской. Но и здѣсь онъ не ждалъ ничего радостнаго для себя и благопріятнаго для своего дѣла. Идѣйствительно, не изъ-за себя только, но и изъ-за Феклы, ему пришлось перенести много огорченій въ этомъ городѣ. Какой-то сиріецъ Александръ, увлекшійся красотою Феклы, преслѣдовалъ и ее и апостола Павла убѣжденіями, чтобы она сдѣлалась его женою. Не успѣвши въ этомъ, онъ обратился съ жалобою на нее игемону, и она была осуждена на растерзаніе звѣрьми какъ христіанка. А апостолъ удаляется изъ города, не дождавшись, чѣмъ кончится исповѣдничество его духовной дочери. Къ этому его вынудили преслѣдованія, поднятыя противъ него іудеями и язычниками по требованію первыхъ. Такъ было и въ его первое путешествіе, когда онъ былъ изгнанъ такимъ же способомъ изъ предѣловъ городскихъ антиохійскихъ владѣній (Дѣян. 13, 50).

Тяжелое впечатлѣніе должно было остаться въ душѣ апостола Павла отъ этихъ неудачныхъ посѣщеній малоазійскихъ городовъ. Мало утѣшительнаго они обѣщали и въ будущемъ. Можетъ быть онъ уже предвидѣлъ въ ихъ судьбѣ то самое, что впоследствии замѣтилъ и описалъ въ своемъ Апокалипсисѣ св. Іоаннъ Богословъ. Апостолъ Павелъ мало хорошаго слышалъ объ этихъ церквахъ еще въ Римѣ, мало отраднаго замѣтилъ во время ихъ посѣщенія, еще болѣе горечи должно было остаться въ немъ отъ отношенія жителей этихъ городовъ къ его собственному лицу. Итакъ, не съ утѣшеніемъ, не съ радостію, не съ просвѣтленною и отрадною надеждою на будущее, но съ тяжелымъ предчувствіемъ шелъ теперь св. апостолъ съ своими спутниками къ берегу Средиземнаго моря.

Посѣщеніе гор. Миръ-Ликійскихъ, Милета и Троады.

До этого времени апостола Павла сопровождалъ неотступно его ученикъ и сотрудникъ св. Тимофей. По крайней мѣрѣ такъ должно предполагать потому, что Тимофеей вмѣстѣ съ нимъ выбылъ изъ Рима, вмѣстѣ съ нимъ

былъ въ городахъ Иконіи, Листрахъ и Антиохіи Писидійской. Что онъ былъ въ этихъ городахъ и вмѣстѣ съ апостоломъ подвергался тѣмъ преслѣдованіямъ, которыя описаны въ «Актахъ Павла и Тимотея», на это довольно ясное указаніе находимъ въ 2 Тим. 3, 11. Здѣсь, призывая своего ученика къ терпѣливому перенесенію гоненій и страданій со стороны невѣрующихъ и еретиковъ, апостолъ указываетъ ему на свой собственный примѣръ, указываетъ именно на тѣ гоненія, которыя ему пришлось перенести въ Иконіи, Листрахъ и Антиохіи Писидійской. Перечисленіе этихъ именно городовъ и гоненій и преслѣдованій, перенесенныхъ именно въ нихъ, а не въ другихъ мѣстахъ, будетъ достаточно понятнымъ только лишь тогда, когда мы допустимъ, что св. Тимофей принималъ самое живое участіе въ судьбѣ апостола за это время. Для св. Тимофея особеннымъ средствомъ ободренія могли служить, конечно, тѣ апостольскія страданія, которыя онъ видѣлъ самъ лично, и которыя и на него ложились тяжелымъ бременемъ, какъ и его личныя страданія. А такими и могли быть для Тимофея страданія апостола Павла въ Иконіи, Листрахъ и Антиохіи, если Тимофей неотступно слѣдовалъ за нимъ съ самаго острова Крита, кончая выходомъ изъ Антиохіи.

Только теперь гдѣ-нибудь на этомъ пути св. Тимофей оставилъ своего духовнаго отца и учителя. И ему необходимо было поступить такъ. Большое и трудное поприще для его просвѣтительной дѣятельности представлялъ городъ Ефесъ. Прежде, идя изъ Антиохіи Сирійской въ Ликаонію и Фригію, апостолъ Павелъ можетъ быть думалъ самъ попасть въ этотъ большой городъ. Но обстоятельства измѣнили его предположенія; и онъ рѣшилъ, минуя его теперь, отправиться на Балканскій полуостровъ и прежде всего въ Македонію. Сюда же, въ Ефесъ, онъ могъ надѣяться прибыть послѣ, побывавъ тамъ, гдѣ быть онъ уже обѣщался давно, и гдѣ, можетъ быть, были нетерпящія отлагательства нужды. А пока въ Ефесъ, для временнаго руководства его церковію, апостолъ могъ послать св. Тимофея. Тимофей же былъ достаточно опытенъ и достаточно авторитетенъ, чтобы съ пользою и успѣхомъ могъ замѣнить собою апостола и на время удовлетворить нужды ефесскихъ христіанъ.

Имѣя все это въ виду во время какого-либо одного изъ пунктовъ своего отдыха на пути изъ Антиохіи Писидійской, апостолъ Павелъ и просилъ св. Тимофея «быть въ Ефесѣ и увѣщевать нѣкоторыхъ, чтобы они не учили иному» (1 Тим. 1, 3). Нескоро св. Тимофей согласился на просьбу апостола; ему не хотѣлось покидать своего старца, измученнаго путешествіемъ и перенесенными страданіями; не хотѣлось, чтобы св. апостолъ отправился въ то далекое и опасное путешествіе безъ его бдительнаго наблюденія и внимательнаго ухода. Онъ въ свою очередь со слезами молилъ своего учителя по-

зволить ему остаться при немъ и снова раздѣлять его труды и лишенія, а въ Ефесѣ послать кого-либо другого. Въоцѣдствіи самъ апостолъ съ благодарною радостію вспоминалъ о выраженіи такой преданности и любви со стороны своего ученика и писалъ ему изъ Рима: «желаю видѣть тебя, вспоминая о слезахъ твоихъ, дабы мнѣ исполниться радости» (2 Тим. 1. 4). Но все-таки апостолъ счелъ необходимымъ настоять на своей просьбѣ; онъ, какъ и самъ объ этомъ пишетъ, умолилъ своего ученика, онъ подвѣствовалъ на него не только доводами разума, но воздѣйствіемъ на его горячую сердечную любовь къ нему; по которой онъ, конечно, не хотѣлъ огорчать того, на кого она простиралась. Св. Тимоѳеѣ, наконецъ, уступилъ апостолу и согласился оставаться въ Ефесѣ, пока туда не придетъ онъ самъ.

Разставшись съ Тимоѳеемъ, апостолъ Павелъ съ остальными спутниками продолжалъ свой путь къ Средиземному морю. Конечною же дѣлю своего путешествія онъ памѣтилъ незначительный городокъ Миръ-Ликійскій. Во время своихъ прежнихъ путешествій апостолъ никогда не держался такого направленія пути, это направление было ново и вѣроятно было вызвано какими-либо особенными соображеніями. Какими-же? «Акты Павла и Феклы», которые рассказываютъ намъ объ этомъ направленіи апостольскаго пути, ничѣмъ не думаютъ объяснять его. Они говорятъ только, что Фекла, оставшая отъ апостола въ Антиохіи Писидійской, нашла своего учителя именно въ Мирахъ Ликійскихъ. Этотъ городъ, находившійся около моря, обладалъ, конечно, гаванью. И можетъ быть апостолъ рассчитывалъ найти здѣсь себѣ попутный корабль, на которомъ бы и могъ переправиться на Балканскій полуостровъ. Но едва ли онъ дождался здѣсь нужнаго ему корабля. Время, когда онъ прибылъ сюда, не было удобно для мореплаванія; это былъ конецъ зимы, начало 64 года. Да и гавань Миръ-Ликійскихъ была слишкомъ незначительна, чтобы могла предоставить апостолу возможность выбора изъ заѣзжавшихъ сюда кораблей. По всей вѣроятности, апостолъ, ошибшись въ своемъ предположеніи, употребилъ время пребывания въ этомъ городѣ для отдыха, для возстановленія и укрѣпленія своихъ старческихъ силъ, истощенныхъ за это трудное и продолжительное путешествіе, совершавшееся, конечно, пѣшкомъ.

Когда же апостолъ почувствовалъ себя достаточно подкрѣпившимся и отдохнувшимъ, и когда убѣдился, что лишъ понапрасну будетъ тратить время на ожиданіе здѣсь нужнаго корабля, тогда рѣшилъ перейти въ городъ Милетъ. Это былъ большой приморскій портъ, поддерживавшій дѣятельную торговлю съ различными городами и странами. Здѣсь всегда можно было рассчитывать найти стоящими въ гавани корабли, готовыми къ отплытію въ разныя мѣста.

Апостолъ Павелъ и ранѣе не разъ былъ въ Милетѣ и не

разъ пользовался его гаванью, какъ важнымъ пунктомъ своихъ путешествій по морю. Такъ и теперь вмѣстѣ съ своими спутниками онъ, оставивши Миры и довольно скоро пройдя небольшое пространство, прибылъ въ этотъ торговый портъ. Много у него было здѣсь знакомыхъ и духовныхъ дѣтей, прежде просвѣщенныхъ имъ христіанскою проповѣдью; много, конечно, должно было у него и дѣла по исправленію недостатковъ и удовлетворенію духовныхъ нуждъ милетскихъ христіанъ. Но апостолъ спѣшилъ и не хотѣлъ нигдѣ замедлять свой путь, а думалъ о сбереженіи времени, чтобы скорѣе попасть къ своимъ возлюбленнымъ давно уже ждавшимъ его филиппійцамъ. Послѣ кратковременнаго совмѣстнаго пребыванія съ милетскими христіанами, послѣ удовлетворенія лишь самыхъ насущныхъ ихъ духовныхъ нуждъ, онъ сталъ наводить справки и о стоявшихъ въ гавани корабляхъ. Вѣроятно, нужный ему корабль нашелся скоро, и апостолъ рѣшилъ отправиться на немъ. Не желая упустить удобнаго случая поскорѣе оставить Милетъ, апостолъ Павелъ рѣшился даже оставить здѣсь на попеченіе братіи заболѣвшаго Трофима. Трофимъ былъ давнишнимъ и усерднѣйшимъ спутникомъ и сотрудникомъ апостола. Особенно же ревностно помогалъ онъ ему во время третьяго миссіонерскаго путешествія (Дѣян. 20, 4). Можетъ быть онъ былъ неразлучно при апостолѣ Павлѣ съ того самаго времени, когда съ своимъ землякомъ Тихикомъ впервые послѣдовалъ изъ своей родной асійской области за проповѣдникомъ христіанства. Онъ и теперь готовъ былъ продолжать вмѣстѣ съ апостоломъ его дальнѣйшее путешествіе, но болѣзнь воспрепятствовала исполненію его желанія. Можетъ быть онъ просилъ даже подождать его выздоровленія, можетъ быть и самому апостолу Павлу хотѣлось имѣть при себѣ этого вѣрнаго ученика и усерднаго сотрудника, но необходимость воспользоваться отъѣзжавшимъ кораблемъ, необходимость дорожить временемъ заставила обоихъ друзей разстаться. И послѣ апостола Павелъ, съ прискорбіемъ вспоминая объ этомъ случаѣ, писалъ св. Тимоѣею изъ Рима: «Трофима же я оставилъ больнымъ въ Милетѣ (2 Тим. 4, 20).

Съ немногими оставшимися спутниками, можетъ быть, только съ Лукою и Димасомъ, апостолъ Павелъ, простившись съ милетскими христіанами и обѣщавшись навѣстить ихъ, когда будетъ въ Ефесѣ, отплылъ изъ милетской гавани. Для проповѣдника было бы несравненно удобнѣе и выгоднѣе, если бы корабль прямо изъ Милета направился къ македонскимъ берегамъ; тогда бы путь апостола былъ очень недалекимъ и плаваніе непродолжительнымъ. Но торговые корабли прямые рейсы совершаютъ очень рѣдко; въ большинствѣ случаевъ направленіе ихъ плаванія зависѣло отъ назначенія грузовъ, которые они брались перевозить изъ одного города въ другой. Такъ было и съ кораблемъ, на которомъ отправился апостолъ Павелъ; ему нужно было завести грузъ въ Троаду,

и апостолъ волей-неволей долженъ былъ захватить въ этотъ городъ. Этотъ городъ былъ хорошо извѣстенъ ему, онъ бывалъ въ немъ и прежде. Здѣсь ему во время его второго путешествія было сонное видѣніе мужа Македонянина, который просилъ его придти въ Македонію и помочь имъ (Дѣян. 16. 9), а во время своего обратнаго третьяго путешествія апостолъ совершилъ здѣсь чудо воскрешенія умершаго юноши Евтила, упавшаго изъ окна и разбившагося до смерти (Дѣян. 20, 6—12).

Вотъ уже въ третій разъ, стало быть, апостолъ входилъ теперь въ этотъ городъ. Судя по прежнему онъ былъ радостно встрѣченъ его жителями христіанами, и ихъ радость была тѣмъ болѣе сильна, что пребываніе апостола въ ихъ городѣ предполагалось довольно продолжительнымъ. Корабль, привезшій апостола Павла, имѣлъ много товара для выгрузки и много долженъ былъ захватить съ собою изъ Троады, или же требовалъ существенныхъ исправленій своего корпуса, и потому всѣ пассажиры со всѣмъ ихъ багажемъ должны были сойти на берегъ и ждать въ городѣ, пока будутъ извѣщены о времени начала дальнѣйшаго путешествія. На это время и апостолъ Павелъ долженъ былъ поселиться у кого-либо изъ троадскихъ христіанъ и терпѣливо ждать возможности ѣхать въ Филиппы. Этимъ гостепріимнымъ хозяиномъ оказался нѣкто Карпъ, вѣроятно простой небогатый гражданинъ, о которомъ упоминаетъ самъ апостолъ въ своемъ посланіи къ Тимоѳею (2 Тим. 4, 13).

Но пришелъ и конецъ ожиданіямъ апостола; корабль приготовился къ отплытію, и прежніе пассажиры были извѣщены о времени его. Апостолъ Павелъ любвеобильно простился съ радушно принявшими его троадскими христіанами. Прощаясь съ ними и общая имъ также, какъ и милетцамъ, вскорѣ снова навѣститъ ихъ, возвратившись изъ Греціи, апостолъ, какъ бы нѣкоторый залогъ вѣрности своихъ обѣщаній, оставилъ у того же Карпа свою фелонь (верхнюю одежду) и простыя и кожаныя книги, которыя, какъ всегда нужныя, онъ постоянно возилъ и послѣ съ собою. Но теперь, имѣя при себѣ очень мало спутниковъ, которые могли бы взять на себя трудъ переноса вещей, онъ долженъ былъ на время разстаться съ ними, — и это тѣмъ болѣе было возможно для него, что свои книги онъ могъ получить снова во время предполагаемаго скорого обратнаго путешествія чрезъ этотъ городъ; а фелонь пока была для него лишь лишнею тяжестью, такъ какъ время стояло теплое: былъ конецъ весны 64 года. Но не предвидѣлъ апостолъ, что его надеждамъ и планамъ не суждено будетъ осуществиться: ему не пришлось воротиться въ Троаду, не пришлось взять и свои оставленные здѣсь вещи. И уже много послѣ, изъ своихъ вторыхъ римскихъ узъ, апостолъ писалъ св. Тимоѳею: «когда пойдешь (въ Римъ), принеси фелонь, которую я оставилъ въ Троадѣ у Карпа, и книги,

особенно кожанныя (2 Тим. 4, 13). Только въ холодной и сырой римской темницѣ апостолъ Павелъ почувствовалъ нужду въ своей верхней одеждѣ и только въ Римѣ, когда прекратились его безпокойные переходы изъ одного города въ другой и изъ одной страны въ иную, онъ пожалѣлъ, что не имѣеть съ собою своихъ драгоценныхъ по содержанию книгъ.

Прибытіе въ городъ Филиппы, особенность отношеній его жителей къ апостолу.

Съ облегченнымъ сердцемъ всходилъ ап. Павелъ на корабль. Теперь уже ничто, казалось, не могло воспрепятствовать ему ѣхать къ возлюбленнымъ филиппійцамъ, и ничто не могло задержать во время предстоящаго недалекаго плаванія. Прежде, во время третьяго обратнаго путешествія этотъ самый морской путь апостолъ совершилъ въ пять дней, то же самое количество времени требовалось и теперь. Морская гавань, къ которой долженъ былъ пристать корабль, былъ городъ Неаполь. Онъ находился при глубокомъ и помѣстительномъ заливѣ и представлялъ собою очень удобное мѣсто для стоянки кораблей. Онъ соединялся съ городомъ Филиппы большою выложенною камнями дорогою, по которой и направился ап. Павелъ, снѣгна поспѣе увидать дорогихъ своему сердцу филиппійцевъ. Скоро совершилъ онъ этотъ веселый и короткій путь и скоро былъ въ объятіяхъ филиппійскихъ христіанъ.

Съ великою радостію былъ принятъ филиппійцами давно ожидаемый имъ желанный гость. Епископы и діаконы, которымъ онъ писалъ привѣтствіе изъ Рима, вышли къ нему навстрѣчу; вышелъ навстрѣчу и радостно привѣтствовалъ его и Елафродитъ. Это тотъ самый филиппіецъ, который былъ присланъ филиппійскими христіанами съ ихъ пожертвованіями для апостола, и который, прибывъ въ Римъ и исполнивъ свое порученіе, не хотѣлъ разстаться съ апостоломъ, но, какъ пишетъ этотъ послѣдній, сдѣлался его братомъ, сотрудникомъ и служителемъ въ его нуждахъ (Филип. 2, 25—30).—Какъ видно отсюда, Елафродитъ своими трудами помогалъ ап. Павлу добывать тѣ скудныя средства, которыя необходимы были для узника, жившаго на собственномъ иждивеніи. Предъ своимъ освобожденіемъ изъ римскихъ узъ ап. Павелъ отослалъ этого нужнаго для себя челоуѣка на его родину, къ его соотечественникамъ, ибо видѣлъ какъ хотѣлось ему быть среди нихъ и зналъ, какъ онъ былъ нуженъ имъ и полезенъ своєю христіанскою мудростію и благочестіемъ. А въ своемъ Послании къ филиппійцамъ апостолъ пишетъ имъ: примите же его, Елафродита, въ Господѣ, со всякою радостію, и такихъ имѣйте въ уваженіи. Ибо онъ за дѣло Христово былъ близокъ къ смерти, подвергая опасности свою жизнь, дабы восполнить недостатокъ вашихъ услугъ мнѣ» (2, 23—30).

Въ высшей степени должна была быть трогательна встрѣча апостола съ столь дорогими и близкими лицами. Сколько воспоминаній изъ прошлой жизни, сколько вопросовъ о настоящей и гаданій и намѣреній относительно будущей должно было быть высказано съ той и другой стороны! Вѣдь филиппійцы были любимѣйшими духовными дѣтьми апостола; онъ питалъ къ нимъ самое полное довѣріе, только отъ нихъ однихъ онъ позволялъ себѣ пользоваться матеріальною поддержкою. Но за то онъ «всегда» приноситъ съ радостію свою молитву за ихъ участіе въ благовѣствованіи отъ перваго дня даже до конца его пребыванія въ римскихъ узакъ. Онъ такъ интересовался ихъ внутреннею церковно-общественною жизнію, что мало того, что послалъ къ нимъ свое полное выраженіе любви и отеческаго чувства посланіе, отправилъ къ нимъ также и Тимоѳея (2, 19), чтобы узнать о ихъ религіозно-нравственной жизни. Тимоѳеѣ былъ въ Филиппахъ и узналъ, что узнать ему было нужно и поручено, и съ этимъ возвращался въ Римъ къ своему учителю. И теперь этотъ послѣдній, придя самъ въ Филиппы, отчасти уже былъ знакомъ съ тѣмъ положеніемъ вещей, которое теперь ему представилось. Онъ писалъ имъ изъ Рима, обращаясь ко всему обществу: берегитесь псовъ, берегитесь злыхъ дѣлателей, берегитесь обрѣзанія» (3.2). Онъ, какъ видно, предостерегалъ ихъ отъ увлеченія лжеученіемъ іудействующихъ, убѣждалъ ихъ заботиться не о своей праведности, которая отъ закона, но о той, которая достигается чрезъ вѣру во Христа, чтобы «познать Его и силу Его воскресенія и участіе въ страданіяхъ Его, сообразуясь смерти Его» (3, 9—10). Онъ умолялъ тогда всѣхъ «стоять въ Господѣ», умолялъ Еводию и Синтию, а особенно Епафродита и Климента помогать всему обществу достигать христіанскаго совершенства» (4, 1—3).

Что же, теперь, нашелъ ап. Павелъ въ Филиппахъ при своемъ личномъ посѣщеніи этого города?—Должно думать, что кромѣ утѣшительнаго ничего. Да и странно было бы предполагать, чтобы община, относившаяся къ апостолу съ такою горячею любовію, съ такою преданностію и покорностію, не приняла во вниманіе и не выполнила со всею точностію апостольскихъ совѣтовъ и увѣщаній. Невозможно допустить, чтобы труды Епафродита и Климента, которымъ было поручено отъ апостола заботиться о филиппійской общинѣ, не оказали благихъ послѣдствій.

Благопріятное религіозно-нравственное состояніе филиппійскаго общества должно было произвести на апостола отрадное впечатлѣніе, особенно если принять во вниманіе то, какъ неудачны и неуѣшгательны были его посѣщенія малоазійскихъ общинъ и городовъ, гдѣ вліяніе іудействующихъ достигло своего крайняго развитія.

Впрочемъ и здѣсь, въ Греціи, только лишь одни Филиппы

утѣшили ап. Павла; а общества, основанныя имъ въ другихъ городахъ, находились также въ опасномъ состояніи, и требовали личнаго присутствія среди нихъ самаго апостола и его личныхъ трудовъ. Такъ что апостолъ былъ вынужденъ предпринять путешествіе по городамъ Греціи, во время котораго онъ надѣялся удовлетворить духовныя нужды еще неокрѣпшихъ въ христіанской вѣрѣ и знаніи греческихъ церквей. Такимъ образомъ прежде составленный ап. Павломъ планъ его скорого возвращенія въ Малую Азію долженъ былъ измѣниться. Теперь онъ уже отдумалъ прямо изъ Филиппіи возвратиться чрезъ Троаду въ Ефесъ къ своему ученику Тимофею. Онъ это возвращеніе отложилъ на неопредѣленное время, которое потребуетъ у него положеніемъ вещей. А такъ какъ Тимофею ждалъ его, и такъ какъ онъ несомнѣнно нуждался при своемъ затруднительномъ положеніи въ апостольскихъ наставленіяхъ, то ап. Павелъ пишетъ ему посланіе. Это и есть наше каноническое первое посланіе къ Тимофею.

Въ немъ апостолъ старается, насколько то было возможно замѣнить свое обѣщанное личное прибытіе въ Ефесъ подробнымъ изложеніемъ обязанностей его, Тимофея, какъ апостольскаго замѣстителя, и сообщеніемъ наставленій, исполненіе которыхъ было необходимо для него, какъ руководителя большою христіанскою общиною. Онъ пишетъ ему о борьбѣ и о пріемахъ этой борьбы съ еретиками, съ ученіемъ которыхъ ему пришлось ознакомиться во время своего пребыванія въ Малой Азіи; убѣждаетъ и ободряетъ его и приправиваетъ къ добродушному воину. Даетъ ему наставленія объ устройствѣ ефесскаго общества, общественнаго богослуженія, упорядоченія жизни вдовицъ, избранія и рукоположенія епископовъ, пресвитеровъ и диаконовъ, вразумленія рабовъ, и, наконецъ, даетъ совѣты относительно его собственнаго поведенія и его собственной жизни. Но, конечно, апостолъ хорошо сознавалъ, что посланіе, какъ бы оно не было подробно и обстоятельно никогда не можетъ замѣнить вполне его личное присутствіе. Одно личное присутствіе могло бы сдѣлать лишними многія наставленія посланія, и его авторитетъ могъ бы самъ по себѣ въ весьма значительной степени облегчить положеніе Тимофея среди ефесскихъ жителей, считавшихъ себя умудренными философіей и науками. Поэтому-то среди самаго раскрытія своихъ отеческихъ апостольскихъ наставленій посланія ап. Павелъ прерываетъ ихъ обѣщаніемъ скорого личнаго прибытія въ Ефесъ. «Сіе пишу тебѣ, читаемъ мы, надѣясь скоро прійти къ тебѣ, чтобы, если замедлю, ты зналъ, какъ должно поступать въ домѣ Божіемъ» (3, 14. 15).—Итакъ, апостолъ, собираясь отправиться внутрь Греціи, все-таки еще не оставлялъ своего прежняго намѣренія о возвращеніи въ Малую Азію, и притомъ о возвращеніи скоромъ, хотя и ожидалъ возможнаго замедленія.

Путешествіе въ Фессалоники, Берію и Аѳины.

Написавши посланіе къ Тимоѳею и отправивши его съ кѣмъ-нибудь по назначенію, ап. Павелъ вышелъ изъ Филиппъ, направляясь по большой дорогѣ, которая шла въ Фессалонику. Христіанское общество этого города потребовало отъ апостола не мало заботъ и трудовъ по исправленію и упорядоченію его жизни, его устройства, взаимныхъ отношеній его членовъ и ихъ отношеній къ язычникамъ. Его посланія къ фессалоникійцамъ даютъ о нихъ понятіе какъ о людяхъ очень неустойчивыхъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и склонныхъ къ крайнимъ увлеченіямъ различными вопросами религіозной фантазіи.

Устроивши все здѣсь насколько то было возможно и нужно ап. Павелъ черезъ Берію перешелъ въ Афины. Но онъ не любилъ этого города; не чувствовалъ къ его жителямъ особеннаго расположенія и, видя въ нихъ крайнее легкомысліе въ дѣлѣ религіи, не хотѣлъ по напрасну тратить время и усилія на безплодные труды, но, предоставляя ихъ пока волѣ Божіей, отправлялся обыкновенно въ другіе города. Такъ было и въ данномъ случаѣ;—апостольское пребываніе въ Аѳинахъ продолжалось недолго, потому что, кромѣ выше сказаннаго, само аѳинское христіанское общество было невелико, и несложны были его нужды.

Но то, что могло заинтересовать здѣсь апостола и повергнуть его въ нѣкоторую нерѣшительность относительно своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, такъ это было полученное имъ печальное и тревожное извѣстіе изъ Рима.

Ап. Павелъ узналъ о происшедшемъ 24 іюля 64 года страшномъ пожарѣ въ Римѣ и поднятомъ изъ-за него жестокомъ гоненіи противъ христіанъ. Впечатленіе отъ этой вѣсти должно было быть особенно сильнымъ и удручающимъ. Это гоненіе противъ послѣдователей І. Христа было первымъ. Положимъ св. апостолъ самъ уже нѣсколько разъ испыталъ на себѣ дѣйствіе злобы міра; но тѣ дѣйствія не направлялись такъ рѣшительно и открыто противъ имени І. Христа, какъ это случилось теперь въ Римѣ. При томъ же его страданія, равно какъ и страданія другихъ проповѣдниковъ христіанства были отдѣльными и болѣе или менѣе понятными, какъ происходившія изъ столкновенія различныхъ началъ исповѣдуемыхъ религій: проповѣдники христіанства имѣли дѣло съ представителями другихъ религій,—преимущественно іудейской. Въ Римѣ произошло нѣчто совершенно другое. Здѣсь подвергались страшнымъ пыткамъ, отдавались на растерзаніе звѣрей, распинались на крестахъ, сжигались на кострахъ и гибли на цирковыхъ представленіяхъ не отдѣльные проповѣдники христіанской религіи, но всѣ ея послѣдователи безъ различія пола, возраста и состоянія. Кромѣ

того, это гоненіе было возбуждено не однимъ какимъ лицомъ, не возмущившеюся случайно собравшеюся толпою народа, но всѣми римскими гражданами съ императоромъ Нерономъ во главѣ. Здѣсь, такимъ образомъ, сама предержавшая власть, которая прежде была защитницей апостола и другихъ христіанъ, и повиноваться которой апостолъ повѣлевалъ всѣмъ людямъ эта власть теперь стала во главѣ преслѣдующихъ.—Ап. Павелъ не зналъ на что рѣшиться,—доканчивать-ли свое дѣло въ Греции возвратиться-ли въ Малую Азію или поспѣшить въ Римъ къ страждущимъ братьямъ. Предпринять-ли послѣднее? Но что изъ этого можетъ выйти? Что могъ онъ сдѣлать тамъ для облегченія участи страдальцевъ? Онъ хорошо зналъ Римъ, зналъ нравы тамошняго пролетаріата, жаднаго до всякихъ кровавыхъ зрѣлищъ; зналъ также и о томъ жестокомъ своеволіи, которое допускала по временамъ римская власть изъ-за желанія угодить грубымъ инстинктамъ толпы. Никакая проповѣдь, никакія воззванія не могли воздѣйствовать въ благопріятномъ смыслѣ, и самое лучшее, въ этомъ случаѣ, было—дать время охладиться разгоряченнымъ страстямъ римской толпы и ея неистовствамъ противопоставить христіанское терпѣніе и надежду на помощь Божію. Безполезно было прибытіе ап. Павла въ Римъ, безполезно въ смыслѣ какого-либо средства прекращенія гоненія. Онъ могъ идти туда, если желалъ послужить примѣромъ терпѣливаго перенесенія страданій за имя Христова и ободрить этимъ самымъ римскихъ мучениковъ. Но онъ уже въ Аѳинахъ могъ слышать, что римскіе христіане и безъ его примѣра умѣли мужественно умирать за исповѣдываніе вѣры Христовой и не нуждались ни въ ободреніяхъ, ни въ поощреніяхъ. Между тѣмъ это ободреніе и утѣшеніе со стороны апостола были нужны для того общества, среди котораго онъ находился теперь.

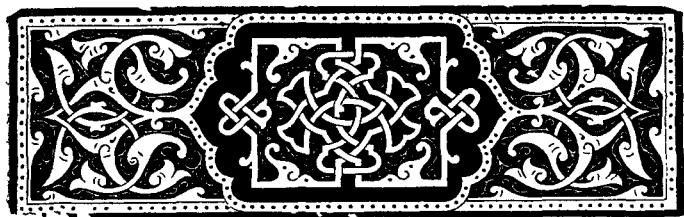
Слухи о жестокомъ римскомъ гоненіи не могли пройти безслѣдно для греческаго общества; ими не приминули воспользоваться іудеи, чтобы и здѣсь возбудить ненависть язычниковъ противъ христіанъ. И хотя изъ исторіи мы не имѣемъ извѣстій о гоненіяхъ, происходившихъ въ греческихъ городахъ, но несомнѣнно настроеніе ихъ языческаго общества сдѣлалось враждебнымъ по отношенію къ христіанамъ. Со дня на день эти послѣдніе могли ожидать, что противъ нихъ поднимется толпа народа, возбужденная іудеями, и будетъ преслѣдовать, обвиняя въ тѣхъ самыхъ безсмысленныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ обвинялись и христіане въ Римѣ. Такимъ образомъ присутствіе ап. Павла среди греческихъ христіанъ было вполнѣ необходимымъ. Отъ него одного они могли ожидать и получить мужественную поддержку и утѣшеніе; лишь при видѣ его неослабнаго рвенія они могли не пасть духомъ и безбоязненно глядѣть на настоящее и будущее.

На этомъ основаніи онъ отложилъ и свое возвращеніе въ

Малую Азію. Тамъ вдалекѣ отъ Рима, христіане были болѣе безопасны отъ возможности гоненій со стороны язычниковъ; да и та причина,—пожаръ Рима,—которая послужила поводомъ гоненія, была менѣе понятна обитателямъ Малой Азіи. Поэтому-то ап. Павелъ предпочелъ остаться въ Греціи, и переходилъ здѣсь изъ одного города въ другой, ободряя и укрѣпляя христіанскія общества, призывая ихъ къ миру и трудолюбію, и стараясь самъ быть какъ можно незамѣтнѣе для всюду преслѣдовавшихъ его іудеевъ и тѣмъ устранить лишній поводъ къ явному обнаруженію противъ себя и своихъ послѣдователей языческой и іудейской ненависти *).

Прот. Н. Орловъ.

*) Окончаніе будетъ.

Послѣдніе годы жизни св. ап. Павла *).

Пребываніе въ Коринѣѣ и Никополѣ.

Во время этихъ переходовъ ап. Павла встрѣтилъ нарочито искавшій его Ерастъ изъ Коринѣа. Онъ упросилъ св. апостола посѣтить и его родной городъ, въ которомъ также чувствовалась нужда въ его личномъ присутствіи. Такъ ап. Павелъ въ началѣ осени 64-го года прибылъ въ Коринѣѣ,—большой торговый городъ, гдѣ сталкивались по различнымъ побужденіямъ жители всѣхъ тогда извѣстныхъ странъ. Онъ представлялъ собою довольно обширное поле для дѣятельности христіанскаго проповѣдника. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ было много и элементовъ, вредныхъ для успѣшнаго насажденія среди его жителей христіанской вѣры и благочестія. Объ этомъ дають намъ ясное понятіе первое и второе посланія ап. Павла къ коринѣянамъ, а равно и повѣствованіе «Дѣяній» о двукратномъ пребываніи его въ этомъ городѣ. И въ это послѣднее свое пребываніе ап. Павлу пришлось много потрудиться при водвореніи мира и христіанскаго единодушія между членами коринѣскаго христіанскаго общества. Теперь прежнія партійныя споры усилились еще болѣе послѣ того, какъ увеличилось число членовъ, среди которыхъ стали появляться люди, искавшие въ христіанствѣ удовлетворенія то своимъ философскимъ стремленіямъ, то низшимъ инстинктамъ своей природы. Эта шаткость и неустойчивость коринѣскаго общества въ христіанскихъ истинахъ осталась и послѣ посѣщенія его ап. Павломъ. Оно заявило себя съ плохой стороны въ исторіи церкви и еще разъ уже послѣ ап. Павла. Такъ Климентъ, ученикъ апостола, писать къ коринѣянамъ нарочитое посланіе изъ Рима, въ которомъ и увѣщевалъ ихъ твердо держаться преданнаго имъ отъ апостоловъ христіанскаго ученія.

*) Продолженіе см. Сентябрь.

Несомнѣнно однако, что ап. Павелъ, замѣчая ненадежное состояніе коринѣскаго общества, пробылъ среди него довольно продолжительное время. По крайней мѣрѣ, временемъ его отбытія отсюда нельзя указать болѣе раннѣе, чѣмъ конецъ осени или начало зимы 64 года. Въ посланіи къ Титу на о. Критъ, онъ пишетъ, что собирается провести зиму въ городѣ Никополѣ, и туда зоветъ къ себѣ этого своего ученика.

Но что побудило ап. Павла написать Титу это посланіе и провести зиму въ незначительномъ городкѣ?—Это побужденіе заключаюсъ въ рѣшеніи апостола отправиться въ Римъ лишь только откроется морская весенняя навигація. Это рѣшеніе созрѣло у апостола не вдругъ, но по мѣрѣ того, какъ приходили извѣстія изъ Рима. Если прежде онъ не считъ возможнымъ и нужнымъ отправиться на мѣсто гоненія, то теперь его соображенія измѣнились. Онъ узналъ, что гоненіе въ Римѣ постепенно стихло, что народныя страсти успокоились и кровавыя инстинкты пресыщены и удовлетворены: въ римскомъ обществѣ появилось даже нѣкоторое сожалѣніе къ несчастнымъ погибшимъ христіанамъ. Съ другой стороны оставшіеся немногочисленные христіане были въ неутѣшномъ горѣ. Многіе изъ нихъ лишились своихъ родственниковъ и знакомыхъ, много осталось вдовъ и сиротъ, и всѣ вообще были безъ руководителей въ своей духовной жизни, такъ какъ необходимо допустить, что представители христіанъ: епископы, пресвитеры и діаконы ранѣе другихъ вѣрующихъ подверглись во время гоненія преслѣдованію разъяренной толпы. Поэтому если когда и гдѣ нуженъ былъ ап. Павелъ, то именно въ Римѣ и теперь. Онъ былъ нуженъ здѣсь какъ возстановитель христіанской общины, нуженъ былъ какъ утѣшитель и какъ проповѣдникъ вообще. Апостолу нельзя было не знать этого; какъ невозможно было для него при его ревности не быть въ Римѣ, гдѣ онъ былъ такъ нуженъ. И онъ рѣшилъ при первой возможности отправиться туда. А такъ какъ онъ уже пропустилъ время удобное для мореплаванія, и такъ какъ надѣялся принести и здѣсь нѣкоторую пользу своею проповѣдью, то онъ опредѣлилъ провести зиму въ приморскомъ городкѣ Никополѣ, гдѣ христіанство, по всей вѣроятности еще не было проповѣдано.

Остановившись на этомъ рѣшеніи ап. Павелъ и пишетъ изъ Коринѣа Титу: ты знаешь, что я оставилъ тебя въ Критѣ, чтобы ты довершилъ тамъ, что осталось недоконченнымъ за успѣшностію моего отбытія отсюда. Но съ того времени прошло уже болѣе года, и ты, вѣроятно успѣлъ сдѣлать то, что сдѣлать было необходимо. Ты за это время успѣлъ, конечно, не только поставить по всѣмъ городамъ Крита пресвитеровъ, но и избрать себѣ достойнаго преемника, который бы могъ управлять критскою церковію самостоятельно. Зная самъ, ты и другимъ показалъ, какъ должно обращаться съ заблуждаю-

шимися. Но кромѣ этого прими во вниманіе и передай кому слѣдуетъ, и наставленія этого моего посланія. Пусть критяне будутъ въ состояніи самостоятельно руководствоваться въ своей духовной и церковно-общественной жизни. Самъ же ты нуженъ мнѣ, а потому я прошу тебя, какъ просить ранѣе остаться на Критѣ, прошу поспѣшнѣе прійти ко мнѣ въ Никополь. Всю эту зиму я проведу въ этомъ городѣ; только ты постарайся заставить меня здѣсь. А до этого времени ты займись критскимъ обществомъ, чтобы оставить его въ надежномъ состояніи. Впрочемъ объ этомъ особенно не безпокойся; я принялъ къ тебѣ Артема или Тихика, который и займетъ твое мѣсто и приметъ на себя твои обязанности; — такъ можно передать своими словами посланіе ап. Павла къ Титу.

Написавши посланіе къ Титу и отправивши его вѣроятно съ Зиною и Аполлосомъ, находившимися при немъ въ Коринѣѣ, самъ апостолъ рѣшилъ, наконецъ, выбыть изъ этого города. Онъ, какъ убѣдился самъ изъ предъидущаго своего опыта, полагалъ, что личное присутствіе для исправленія заблуждающихся и для руководства несовершеннолетними, не всегда бываетъ самымъ лучшимъ средствомъ. Иногда и издали можно руководить также хорошо, какъ и вблизи; это, по крайней мѣрѣ, онъ испыталъ на себѣ, когда ранѣе, медля идти въ Коринѣѣ, воздѣйствовалъ на его христіанское общество чрезъ свое первое и второе посланія. Такъ, можетъ быть, и теперь онъ уходитъ изъ Коринѣа, не доведя его общества до желаннаго совершенства; уходитъ въ Никополь, чтобы и здѣсь начать христіанскую проповѣдь. За коринѣянъ же онъ могъ и не опасаться особенно. Кромѣ того, что Никополь былъ недалеко отъ Коринѣа, апостолъ оставлялъ здѣсь одного изъ своихъ вѣрныхъ и опытныхъ учениковъ. Въ Коринѣѣ оставался Ерастъ (2 Тим. 4, 20). Этотъ Ерастъ, будучи до своего обращенія въ христіанство казначеемъ въ Коринѣѣ (Рим. 16, 23), послѣ обращенія сдѣлался постояннымъ спутникомъ ап. Павла (Дѣян. 19, 22) и раздѣлялъ его труды во время послѣдняго пребыванія въ родномъ Коринѣѣ. А когда апостолъ счелъ за лучшее и необходимое выйти изъ Коринѣа, то Ерастъ не безъ апостольскаго согласія остался здѣсь. Онъ, по плану апостола, какъ опытный христіанскій наставникъ и проповѣдникъ, и какъ уважаемое лицо среди коринѣскихъ жителей, долженъ былъ быть достойнымъ апостольскимъ замѣстителемъ. Кромѣ того ап. Павелъ снабдивъ Ераста особыми наставленіями и совѣтами, какъ онъ дѣлалъ это, оставляя Тита на о. Критѣ и посылая Тимофея въ Ефесъ.

Городъ Никополь, куда прибылъ ап. Павелъ, находился на берегу глубокаго залива и отличался обширною торговлею. Благодаря этой обширной торговлѣ и многочисленности народонаселенія, Никополь былъ какъ бы центромъ окружнаго язычества, которое и было въ немъ особенно твердымъ. На-

чинать здѣсь проповѣдь христіанства приходилось съ особенною осторожностію; а ожидать осязательныхъ плодовъ ея можно было только спустя значительное время и притомъ только послѣ многихъ трудовъ и усилій. Конечно и здѣсь были іудеи, какъ были іудейскіе прозелиты и пришельцы вратъ; чрезъ нихъ было всего удобнѣе для ап. Павла начать свою проповѣдническую дѣятельность. Но даже и эта ступень была небезопасна для христіанскаго проповѣдника теперь, когда еще изъ памяти жителей не изгладились впечатлѣнія римскаго гоненія по поводу тамошняго пожара. Такъ что ап. Павелъ, прибывъ сюда, не сразу выступилъ проповѣдникомъ христіанства со всею свойственною ему ревностію. Не мало времени потратилъ онъ на предварительное ознакомленіе съ самымъ городомъ и еще болѣе съ его жителями. И только убѣдившись, что нашелъ въ ихъ сердцахъ достаточно удобную почву для христіанской религіи, онъ приступилъ къ самой проповѣди. Но едва-ли онъ имѣлъ значительный успѣхъ. Слишкомъ крѣпка была здѣсь языческая религія; здѣшніе жители были слишкомъ заняты посторонними интересами, особенно торговыми и слишкомъ были далеки отъ сознанія своей грѣховности, отъ жажды искупленія, отъ сознанія необходимости благодатнаго возрожденія изъ своей прежней грѣховной языческой жизни. Да и самъ апостолъ употреблялъ не особенно большія усилія на свою проповѣдническую дѣятельность. Его душа болѣе стремилась въ будущее или покоилась на прошедшемъ. Въ прошедшемъ онъ видѣлъ основанныя имъ по всѣмъ странамъ христіанскія общины, а въ будущемъ—Римъ, римское незначительное теперь христіанское общество, продолжавшее скорбѣть о своихъ сочленахъ, мученически окончившихъ свою жизнь и съ побѣдными вѣнками перешедшими въ царство Господа І. Христа. И самъ апостолъ нерѣдко воображалъ себя на мѣстѣ этихъ послѣднихъ и желалъ поскорѣе умереть и быть со Христомъ. Поэтому онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія зимы и начала мореплаванія. Онъ послалъ уже, какъ и предполагалъ, Тихика или Артема къ Титу, и со дня на день ожидалъ къ себѣ этого послѣдняго. Но едва-ли дождался. Вѣрнѣе всего предполагать, что Титъ такъ и остался на Критѣ, думая только въслѣдствіи придти къ апостолу уже прямо въ Римъ. Въ Никоноль онъ не могъ посѣтъ до окончанія зимы;—когда было возможно плаваніе по морю, тогда къ нему еще не приходили посланные отъ ап. Павла, тогда онъ еще не успѣлъ укрѣпить и устроить христіанское общество среди критянъ, среди этихъ «жрецовъ, злыхъ звѣрей и лѣнивыхъ утробъ»; а когда прибыли посланные, когда онъ могъ поручить имъ заботу о критской церкви, тогда уже окончилась морская навигація по случаю зимняго времени. Съ открытіемъ же навигаціи можно было навѣрное разсчитывать, что уже нельзя застать апостола въ Никоноль.

Такимъ образомъ ап. Павелъ, не дождавшись Тита, выбылъ изъ Никополя, лишь только отсюда отправился первый корабль въ Римъ при наступленіи весны. Въ новооснованномъ христіанскомъ обществѣ онъ оставилъ кого-нибудь изъ своихъ спутниковъ, или просто поручилъ его заботамъ и вниманію сосѣдней ближайшей коринѣской церкви. Что сталося по отбытіи апостола съ церковію Никополя, какъ она росла и усовершенствовалася, судить объ этомъ нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ. Теперь на мѣстѣ прежняго богатаго и славнаго Никополя стоитъ незначительная деревенька Палеопрезеъ,—жалкія развалины прежняго величія.

Вторичное пребываніе ап. Павла въ Римѣ.

Раннею весною 65 года приближался ап. Павелъ на своемъ кораблѣ къ остійской гавани Рима. Это было уже его второе путешествіе въ столицу. Первый разъ онъ путешествовалъ въ качествѣ узника въ сопровожденіи стражи; и его путь, потому, былъ не таковъ, какъ теперь; тогда онъ долженъ былъ слѣдовать по указанію своихъ стражниковъ. Въ это же путешествіе онъ свободно располагалъ собою. Поэтому онъ прибылъ прямо въ остійскую гавань, не желая высаживаться ранѣе и тратить лишнее время на путешествіе пѣшкомъ. Городъ и гавань Остія расположены при устьѣ р. Тибра и соединены съ Римомъ прекрасною остійскою дорогою. По ней и направился апостолъ со своими оставшимися двумя спутниками Димасомъ и Лукою. Всѣ другіе спутники были оставлены апостоломъ въ различныхъ пунктахъ его предъидущаго путешествія, для удовлетворенія нуждъ тамошнихъ христіанскихъ обществъ. Да они къ тому же неособенно были нужны апостолу при настоящихъ условіяхъ. Онъ приходилъ сюда уже въ знакомое ему мѣсто; ему извѣстны были лучше, чѣмъ кому-либо другому мѣстныя условія города; равно какъ оставались въ живыхъ тѣ изъ христіанъ, которые были обращены къ новой религіи его собственною проповѣдью. Все это могло служить и служило для апостола значительною поддержкою его добраго душевнаго настроенія.

Но много, однако, было и такого, что тяжелымъ камнемъ лежало на душѣ апостола. Это, прежде всего, еще неизгладившееся изъ памяти страшное гоненіе, о которомъ онъ такъ много слышался, еще будучи вдали отъ Рима. Правда, по тѣмъ же слухамъ гоненіе давно уже прекратилось; народное неистовство также улеглось: оно не могло долго продолжаться уже по тому одному, что было слишкомъ сильно. Это отмѣчаетъ и римскій историкъ Тацитъ, описавшій въ своей лѣтописи какъ римскій пожаръ, такъ и гоненія христіанъ по поводу этого пожара. Разсказавши о всѣхъ жестокостяхъ, о

всѣхъ страшныхъ пыткахъ, объ издѣвательствахъ и черни и императора Нерона надъ христіанами, онъ присовокупляетъ такое замѣчаніе: «всѣдствие этого, въ отношеніи къ виновнымъ хотя и заслужившимъ самого строгаго наказанія, возникло состраданіе, будто они (христіане) гибли не въ видахъ общественной пользы, но на удовлетвореніе жестокости одного» (15, 44).

Въ томъ, что гоненія уже прекратились, что перестали мучить и преслѣдовать христіанъ, конечно, для ап. Павла было неособенно много утѣшительнаго. Этого нужно было ожидать, этого требовало здравое разсужденіе: въ противномъ случаѣ слишкомъ долго была бы нарушаема божественная правда и человѣческая справедливость. Ап. Павелъ въ прекращеніи гоненія видѣлъ для себя возможность свободнаго и безопаснаго вступленія въ городъ Римъ. Но онъ еще не зналъ, насколько безопасна будетъ его предстоящая здѣсь проповѣдническая дѣятельность. Эта неизвѣстность и смущала апостола. Сильно огорчала апостола также и мысль о многихъ погибшихъ во время гоненія его друзей, имъ же обращенныхъ въ христіанство. Но еще тяжелѣе должно было быть для него представленіе о той бѣдственной участи, которую приходилось теперь переносить оставшимся въ живыхъ христіанамъ. Онъ много слышалъ объ этомъ; а его любвеобильное сердце ожидало встрѣтить еще худшее; оно напередъ трепетало отъ той картины бѣдствій, которую было необходимо увидать ему при вступленіи въ самый Римъ.

Дѣйствительно, чѣмъ ближе подходилъ ап. Павелъ къ Риму, тѣмъ все безотраднѣе становились встрѣчающіяся картины жизненной сцены и дѣятельности. По той же самой остіейской дорогѣ, по которой шелъ теперь апостолъ, медленно двигались различныя тяжести и матеріалы для отстраивающагося Рима. Со времени пожара прошло еще очень немного времени, и то опустошеніе, которое было произведено имъ, конечно не могло быть восстановлено за такой короткій срокъ. Изъ прежнихъ четырнадцати римскихъ кварталовъ, на которые дѣлился весь городъ, только четыре остались нетронутыми, три разрушены до основанія, а въ остальныхъ семи виднѣлись слѣды строеній полуразрушенныхъ пламенемъ. «Было бы невозможно счесть все количество домовъ, лавокъ и храмовъ, тутъ погибшихъ,—говоритъ Тацитъ (15, 41). Ап. Павлу приходилось входить въ городъ не по прежнимъ тѣснымъ улицамъ, сплошь застроеннымъ высокими домами, имѣвшими лишь то преимущество, что своею тѣнью прикрывали отъ жары прохожихъ. Теперь улицы шли по заранѣе опредѣленному направленію и отличались сравнительно значительною широтою; вышина строеній была опредѣлена и ограничена; были сдѣланы открытые дворы, и устроены съ лицевой стороны для ихъ прикрытія портики. Запрещено было имѣть общія стѣны, но каж-

дое строеніе должно было имѣть свои отдѣльныя. «Все это было предпринято въ видахъ пользы и содѣйствовало красотѣ города», говоритъ тотже Тацитъ (15, 42). Чѣмъ дальше шель апостолъ по этимъ улицамъ къ центру города, тѣмъ яснѣе становились слѣды пожара. Онъ увидѣлъ здѣсь одни лишь развалины отъ великолѣпныхъ прежде храмовъ. «Вмѣсто прежняго погибшаго великолѣпія, вмѣсто древняго историческаго Рима импер. Неронъ, захвативши городскую землю, строилъ на ней себѣ домъ, въ которомъ по отзыву Тацита, заслуживали удивленія уже не драгоценные камни и золото, обычные предметы роскоши, а цѣлыя поля, озера; здѣсь идутъ лѣса, а тамъ открытыя мѣста и виды».

Прошегавъ Павелъ мимо этихъ причудливыхъ затѣй незнавшаго границъ въ проявленіи своего своеволія императора Нерона, и направился въ отдаленную часть квартала. Здѣсь онъ, по заранѣе опредѣленному плану, рассчитывалъ найти уцѣлѣвшій или вновь выстроенный домъ какого-нибудь бѣдняка христіанина, оставагося въ живыхъ послѣ страшнаго гоненія. Небольшое, теперь, христіанское общество, услышавъ о прибытіи апостола, собралось во всемъ своемъ составѣ, чтобы посмотреть и послушать великаго проповѣдника. Много было предметовъ бесѣды, которыми нужно было подѣлиться и той и другой сторонѣ. Ап. Павелъ немало рассказывалъ о своемъ путешествіи, о плодахъ своей проповѣднической дѣятельности за этотъ періодъ времени, и о тѣхъ страданіяхъ и гоненіяхъ, которыя ему пришлось потерпѣть за свое благовѣстіе. Римскіе христіане съ своей стороны постарались дополнить тѣ отрывочныя свѣдѣнія о ихъ прошедшемъ бѣдствіи, о которомъ апостолъ зналъ только кое-что и по большей части изъ вторыхъ рукъ.

Въ бесѣдахъ на слѣдующихъ собраніяхъ апостолъ началъ уже свою просвѣтительную дѣятельность. Оставшіеся послѣ гоненія, римскіе христіане принадлежали по своему общественному положенію къ бѣднѣйшему классу, а по своему церковному—къ простымъ вѣрующимъ; едвали среди нихъ нашлось нѣсколько пресвитеровъ и діаконовъ. Поэтому со стороны апостола потребовалось прежде всего усовершеніе ихъ въ христіанскомъ познаніи. Главныя догматы христіанства, конечно, были имъ небезъизвѣстны.—знаніе ихъ было необходимо для принятія крещенія,—но они были нетверды въ различныхъ правилахъ христіанской дисциплины и христіанской нравственности. Къ разъясненію и внушенію этихъ правилъ и приступилъ ап. Павелъ, кратко упомянувши объ истинахъ догматическихъ. По сказанію апокрифической книги, такъ называемой «Періоды Петра и Павла», онъ говорилъ съ ними о законѣ обрѣзанія, о соблюденіи субботы, о значеніи воздержанія въ пищѣ и питъѣ и т. п.—Отъ просвѣщенія и воспитанія уже прежде принявшихъ христіанство ап. Павелъ постепенно пере-

шелъ къ проповѣди христіанства и среди язычниковъ-римлянъ. Мало-помалу его проповѣдь изъ хижинъ бѣдняковъ—ремесленниковъ была перенесена имъ въ дома богатыхъ и знатныхъ гражданъ. Также книга «Періоды» рассказываетъ намъ объ обращеніи въ христіанство Кандиды, жены царскаго тѣлохранителя Кварта.—Такимъ образомъ, какъ и въ первое пребываніе апостола въ Римѣ, христіанство стало извѣстно и въ кесаревомъ домѣ, въ царскомъ дворцѣ.

Это были, конечно, утѣшительные плоды для апостола, но они же положили и конецъ его дальнѣйшей дѣятельности въ Римѣ. Начала ли грозить жизни ап. Павла опасность вслѣдствіе ожидаемаго или уже сдѣланнаго доноса, или быстрое и широкое распространеніе христіанства вновь возбудило въ римской толпѣ непріязненные чувства по отношенію къ христіанамъ, но только онъ долженъ былъ прекратить въ Римѣ свою проповѣдь. Тѣлохранитель Квартъ, обращенный въ христіанство своею супругою, узнавъ о грозившей христіанству и апостолу опасности, счелъ долгомъ предупредить этого послѣдняго и предложилъ ему удалиться на время изъ Рима въ какое-либо другое мѣсто.

Ап. Павелъ оцѣнилъ разумность предложенія Кварта, но колебался въ его выполненіи, равно какъ и не зналъ, куда направиться ему, оставивши Римъ. Оставленіе имъ Рима нужно было для него самого, потому что ему стали грозить узы и преслѣдованія; нужно оно было и для римскаго христіанскаго общества, которое могло теперь развиваться само-по себѣ въ тиши обыденной жизни, не навлекая на себя чрезъ необычайное дѣйствіе Павловой проповѣди вниманіе римской толпы и римскихъ властей; наконецъ, настроеніе римскаго языческаго общества было въ то время таково, что пребываніе ап. Павла въ Римѣ дѣлалось по меньшей мѣрѣ бесполезнымъ.—Христіанское общество Рима подъ личнымъ благотворнымъ воздѣйствіемъ апостола возросло и окрѣпло. Но его ростъ произошелъ на счетъ тѣхъ впечатлѣній и обстоятельствъ, которыя были слѣдствіемъ римскаго по жара и гоненія. Когда же эти впечатлѣнія ослабли, когда обстоятельства того времени приобрѣли совершенно другое направленіе, тогда ростъ христіанства долженъ былъ на нѣкоторое время прекратиться или, по крайней мѣрѣ, идти впередъ менѣе быстрыми шагами.

Съ этого времени началась та полная чудовищныхъ поступковъ жизнь импер. Нерона, которую онъ велъ до самой смерти. Умертвивъ свою мать, умертвивъ жену Октавію и женившись на Пoppеѣ, отдѣлавшись отъ Бурра его умерщвленіемъ, Неронъ, наконецъ, прекратилъ и жизнь Сенеки, этого послѣдняго своего добраго гения-руководителя. Лица, которыя теперь окружали его, вполне раздѣляли всѣ его безобразія и жестокости и сочувствовали имъ; они были сами такими же неронами. Начались казни знатныхъ и богатыхъ, началось преслѣдованіе добродѣтели и

всего того, что не хотѣло безсмысленно и безцѣльно попирать законы справедливости, нравственности и религій. Всѣ лица, окружавшіе Нерона, готовы были, отказавшись отъ всего святого, презрѣвши своихъ языческихъ боговъ и ихъ законы, встѣдъ за нимъ поклоняться амулетамъ-талисманамъ, которые ихъ ни къ чему не обязывали. Другіе классы римскаго общества старались во всемъ подражать Нерону и окружающимъ его. Римскіе историки Светоній и Тацитъ единодушно одними и тѣми же красками описываютъ тогдашнее потерявшее всѣ нравственные устои римское общество. У Тацита, напр., мы читаемъ, что между тѣмъ какъ городъ былъ наполненъ печальными процессіями похоронъ жертвъ нероновой жестокости, въ храмѣ Капитолія не было конца приношенію жертвъ. У одного убить сынъ, у другого братъ, у тѣхъ родные и друзья, но они благодарили боговъ, украшали лаврами свои дома, припадали къ ногамъ Нерона и утомляли его руку поцѣлуями (15, 71). О простомъ же народѣ, о римской черни и говорить нечего. Общественныя игры и зрѣлища, которыя по распоряженію Нерона должны были совершаться съ особенною пышностію, выолнѣ поглащали все время, всю заботу и весь интересъ средняго и низшаго классовъ римскаго общества. Такимъ образомъ настроеніе римскаго общества было совершенно противоположнымъ тому, которое могло бы благопріятствовать принятію христіанскихъ истинъ. Постоянныя жертвоприношенія языческимъ богамъ, обязательное участіе въ нихъ всѣхъ и cadaго, дѣлали чрезвычайно опаснымъ послѣдованіе христіанской религій, непозволявшей какія-либо отношенія къ язычеству. Да, теперь въ Римѣ ничего не благопріятствовало проповѣднической ревности ап. Павла; и справедливъ былъ совѣтъ тѣлохранителя Кварта, чтобы онъ удался изъ Рима.

Удаленіе изъ Рима.

Но, можетъ быть, для ап. Павла наступило время претерпѣть мученичество за имя Христова? Можетъ быть теперь настала часъ исполненія его давнишняго желанія отрѣшиться отъ земного и быть со Христомъ?—Это могло быть желаніемъ апостола; но онъ не зналъ, какъ оно согласно съ волею Божіею. какъ онъ не зналъ, куда ему удалиться изъ Рима, если это было дѣйствительно необходимо для него. Пужно было за разрѣшеніемъ этихъ недоумѣній обратиться къ Господу Богу. Онъ послалъ его на проповѣдь къ язычникамъ, Онъ же и откроетъ, закончили-ли онъ эту дѣятельность, или же долженъ продолжать въ какой-либо другой странѣ, среди иныхъ народовъ. И ап. Павелъ, всегда полагавшійся на Бога и Его премудрое руководство, обратился и теперь къ Нему съ

горячесю молитвою. Богъ не оставилъ въ невѣдѣніи своего вѣрнаго раба и въ особомъ видѣніи ему было открыто, что его дѣятельность не должна остановиться на настоящемъ. «Встань, Павелъ,—говорилъ ему явившійся Господь, иди къ испанцамъ, и будь имъ врачомъ!»—Такъ было указано новое мѣсто для проповѣднической дѣятельности ап. Павла. Послѣдній не медлитъ привести въ исполненіе божественное велѣніе; и тѣмъ съ большою быстротою и ревностію принялся онъ за осуществленіе мысли объ испанскомъ путешествіи, что она не была чужда ему и прежде. Напротивъ, она была у апостола еще очень давно, и если онъ не осуществилъ ее до сего времени, то единственно вслѣдствіе совершенно неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ его жизни. Теперь его личное положеніе и стеченіе историческихъ обстоятельствъ были вполне благопріятны для его испанской проповѣднической дѣятельности; это подтверждало и божественное откровеніе, бывшее въ видѣніи. Поэтому на другой же день послѣ видѣнія, ап. Павелъ объявилъ римскому христіанскому обществу, что онъ, согласно повелѣнію Божию, долженъ отправиться въ Испанію.

Конечно римскіе христіанамъ по естественнымъ человѣческимъ свойствамъ нежелательно было разставаться съ апостоломъ. Но его бесѣды и доводы убѣдили ихъ въ необходимости этой разлуки, и они примирились съ нею какъ съ неизбежною. Они, собравшись все вмѣстѣ, устроили для апостола торжественные проводы и прощались съ нимъ, проливая слезы подобно тому, какъ нѣкогда оплакивали разлуку съ нимъ ефесскіе пресвитеры. Но римская братія въ данномъ случаѣ была счастливѣе, чѣмъ эти послѣдніе. Римская братія, умолившая ап. Павла не оставаться въ Испаніи болѣе года, по сказанію той же книги «Періоды Петра и Павла», удостоилась слышать голосъ съ неба, который возвѣстилъ, что жизнь апостола окончится въ Римѣ. Ап. Павелъ совершилъ прощальную евхаристію — литургію, во время которой велъ поучительную бесѣду съ своими слушателями. Случилось, что въ ихъ праведное собраніе попала и одна женщина—Руфина, совершившая прелюбодѣяніе и нераскаившаяся въ немъ. Св. апостолъ прозрѣвъ Духомъ Святымъ ея грѣхъ и ея нераскаянность и при всѣхъ же обличилъ ее. Кара Божія тотчасъ же постигла преступницу, и у нея отнялась вся лѣвая половина ея тѣла, и онѣмѣлъ языкъ. Все пришли въ ужасъ отъ такого событія, но ап. Павелъ утѣшалъ ихъ, говоря, что причина ея бѣдствія служить ея нераскаянность; вѣрующій же и покающійся никогда не лишается божественнаго снисхожденія и помилованія.

Окончивши евхаристію, апостолъ по знакомой ему остійской дорогѣ направился къ остійской гавани, намѣреваясь найти здѣсь корабль, отправляющійся въ Испанію. За нимъ шло много людей изъ римской братіи; среди нихъ были не

только простые римскіе граждане, но и нѣкоторые изъ знатныхъ фамилій и изъ императорскихъ служащихъ; здѣсь же былъ и пресвитеръ Нарциссъ. Это былъ одинъ изъ довѣренныхъ учениковъ апостола, оставившійся теперь въ Римѣ въ качествѣ руководителя римскаго общества. Онъ могъ быть его главою во время отсутствія апостола и какъ пресвитеръ и какъ болѣе опытный и совершенный въ христіанской вѣрѣ знаніи и жизни. Его-то наблюденію и попеченію оставлялъ отъѣзжающій апостолъ римскую церковь и ему особенно заповѣдывалъ блюсти все, чему былъ наученъ и наставленъ. вмѣстѣ съ другими провожали апостола и нѣкоторыя женщины; онѣ выражали свою скорбь по поводу разлуки съ апостоломъ слезами и рыданіями. Невеселая была эта сцена, и тяжелымъ чувствомъ и мрачнымъ предчувствіемъ должна была она наполнить душу апостола. Въ этихъ слезахъ женщинъ онъ кромѣ любви къ себѣ могъ видѣть какъ бы нѣкоторый знакъ слабости римскаго общества, его неувѣренности въ себѣ, въ твердости своей вѣры и ясности христіанскаго познанія. Ап. Павелъ и самъ зналъ это, но не могъ ничѣмъ помочь. Самъ онъ остаться не могъ, не имѣлъ при себѣ и кого-либо болѣе опытнаго и авторитетнаго сотрудника; приходилось довѣрить все Нарциссу,—этому лишь простому пресвитеру. Сознаніе нѣкотораго сиротства покидаемаго имъ римскаго христіанскаго общества, его безпомощности и духовной незащитности, ясно сказалось въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ апостола. Когда по прибытіи въ самую гавань оказалось, что нѣтъ ни одного корабля готоваго къ отъѣзду въ Испанію, апостолъ послалъ извѣстить римское общество объ этой задержкѣ. Онъ хотѣлъ еще разъ видѣть его членовъ около себя, хотѣлъ еще разъ побесѣдовать съ ними. Онъ, какъ бы сознавая недостаточность и нетвердость ихъ вѣры и познанія, думалъ укрѣпить и усовершенствовать ихъ во время этихъ дней промедленія. Повидимому и само римское общество сознавало себя находившимся въ такомъ состояніи, и потому, по зову апостола, какъ сообщаютъ «Періоды», почти все пришло изъ Рима и неустанно слушало великаго проповѣдника въ продолженіи трехъ дней.

Наконецъ настало время отплытія апостола; онъ послѣдній разъ преподалъ имъ наставленія и увѣщанія и, обнимая ихъ на прощаніе, призывалъ на нихъ благословеніе Господа Іисуса Христа.

Путешествіе по Испаніи.

Испанія, куда направился ап. Павелъ изъ Рима весною 66 года, своимъ сѣверовосточнымъ берегомъ находилась отъ остійской гавани очень недалеко, и апостолу до этого пункта на свое плаваніе нужно было бы употребить сравнительно

очень немного времени. Но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы намѣченнымъ мѣстомъ высадки апостола были сѣверовосточные берега. Прежде всего, по свидѣтельству Страбона, эти берега не имѣли въ то время удобныхъ гаваней. А это отсутствіе гаваней ясно говорило о неразвитости торговли этихъ прибрежныхъ мѣстностей и о рѣдкихъ сношеніяхъ ихъ съ Римомъ и другими странами. Поэтому едва ли ап. Павелъ нашелъ такой корабль, который бы отправлялся изъ Остіи именно къ сѣверовосточнымъ берегамъ. Да апостолъ и самъ не желалъ высаживаться на нихъ. Онъ заботился не о близости конечнаго пункта своего плаванія, но о той возможной пользѣ, которую онъ могъ принести своею проповѣдническою дѣятельностью. Но въ странахъ, лежащихъ по восточнымъ берегамъ Испаніи, равно какъ и далѣе въ глубь полуострова, жили тогда разрозненныя племена, среди которыхъ христіанская проповѣдь была бы очень затруднительна и не могла обѣщать благопріятныхъ результатовъ.

Совершенно другое нужно сказать о жителяхъ южной Испаніи, такъ называвшейся Бетики. Бетика или Турдитанія по своему свободному государственному устройству, строго опредѣлявшемуся римскими законами, была самою благопріятною мѣстностію для проповѣди апостола. Ап. Павелъ еще въ Римѣ могъ знать объ этихъ особенностяхъ Бетики и рѣшилъ, конечно, воспользоваться случаемъ проповѣдывать Христово Евангеліе на доступномъ ему латинскомъ языкѣ подъ покровительствомъ римскихъ законовъ и при вѣротерпимости, которую всюду приносили съ собою римляне завоеватели и римляне колонисты. Кромѣ этихъ благопріятныхъ условій для предстоящей проповѣди апостола къ его поѣздкѣ прямо въ Турдитанію (Бетику) могла склонить его и та сравнительная легкость, съ которую можно было найти для нея корабль въ остійской гавани. «Въ этой римской гавани, по замѣчанію того же Страбона, между различными кораблями, приходящими сюда, самые большіе и многочисленные корабли Турдитановъ». Такое постоянное дѣятельное сношеніе Турдитаніи съ Римомъ объясняется въ свою очередь тою торговою дѣятельностію, которая вытекала изъ природныхъ богатствъ этой страны. Богатство Турдитаніи состояло особенно въ прекрасныхъ лѣсахъ, дававшихъ великолѣпный строительный матеріалъ; кромѣ того плодородная почва давала обильные урожаи хлѣба; въ хорошемъ тепломъ климатѣ росли богатые виноградники. Эти произведенія страны почти исключительно отвозились въ Римъ, и здѣсь, потому, всегда можно было найти разгружавшіеся турдитанскіе корабли. На одномъ-то изъ нихъ и отправился ап. Павелъ въ новое мѣсто своей дѣятельности. — Плаваніе не могло быть ни продолжительнымъ, ни опаснымъ. Путь, и самъ по себѣ недалекій, значительно сокращался восточными вѣтрами, которые и были для апостола

попутными. Быстро проплылъ апостолъ мимо острововъ Корсики и Сардиніи; миновалъ нѣкоторые другіе острова, проѣхалъ между Геркулесовыми столбами по Гибралтарскому проливу и высадился въ приморскомъ городѣ Астахъ.

Пребываніе въ г. Астахъ.

Городъ Асты расположенъ на берегу Атлантическаго океана, при восточномъ рукавѣ большой и многоводной рѣки Бетиса. Жители этого города вели весьма дѣятельную торговлю съ Римомъ и Италіей, служа посредниками между ними и жителями внутренней страны Пиринейскаго полуострова. Отсюда привозились въ Асты всѣ продукты годные для вывоза, и здѣсь ждали покупателей для отправки на морскихъ корабляхъ. Торговля и соединенная съ нею возможность обогащенія привлекала въ Асты многихъ предприимчивыхъ людей изъ разныхъ мѣстъ тогдашняго римскаго міра. Здѣсь было много италійскихъ жителей; сюда пріѣзжали и восточные купцы, вездѣ искавшіе мѣста для сбыта своихъ товаровъ; сюда, безъ сомнѣнія, прибывало много и представителей іудейскаго народа. Многіе изъ нихъ дѣлались и постоянными здѣшними жителями. Если они могли быть встрѣчаемы, по словамъ историка Тацита, во всѣхъ городахъ и странахъ римской имперіи, то конечно были и въ Астахъ. Здѣшняя кипучая торговля и возможность легкой наживы насчетъ труда туземныхъ жителей и природнаго богатства ихъ страны были имъ извѣстны и эти жители не избѣжали ихъ эксплуатаціи.

Такимъ образомъ и на этомъ, сравнительно далекомъ мѣстѣ отъ Палестины, ап. Павелъ могъ встрѣтить своихъ единоплеменниковъ. Къ нимъ онъ обратился прежде всего и у нихъ искалъ себѣ временнаго пріюта. Представши предъ ними сначала въ качествѣ ищущаго мѣста поселенія и дѣятельности еврея, апостолъ вскорѣ же могъ обнаружить и свою дѣйствительную цѣль прибытія въ Испанію. Это могло обнаружиться само собою вслѣдствіе сосредоточенія апостоломъ всего своего вниманія на духовно-религіозныхъ интересахъ. Если даже у евреевъ г. Асты и не было синагоги, то во всякомъ случаѣ были особенные молитвенные дома, куда они собирались для положеннаго чтенія и изученія Свящ. Писанія и преданій старцевъ. Здѣсь, на общихъ собраніяхъ чтенія и толкованія закона Моисеева и пророковъ, ап. Павелъ и открылъ впервые свою проповѣдь о Мессіи Искупителѣ. Ожиданія Мессіи были свойственны всѣмъ іудеямъ, а іудеямъ разсѣянія еще болѣе; поэтому и ихъ интересъ къ проповѣди апостола, по крайней мѣрѣ на первое время, былъ очень значителенъ. Только послѣ, когда изъ бесѣдъ апостола выяснилось, что онъ проповѣдуетъ имъ не Мессію—Царя славы, котораго они дѣйстви-

тельно ожидали, но Мессію Искупителя, Мессію страждущаго за родъ человѣческій, тогда вниманіе іудеевъ къ проповѣди должно было значительно ослабѣть. Многіе изъ нихъ, какъ это бывало при прежнихъ подобныхъ случаяхъ, уходили отъ него съ насмѣшками, многіе вступали въ горячіе споры, и лишь только немногіе убѣждались проповѣдью апостола и готовы были принять отъ него крещеніе, всеѣмъ сердцемъ увѣровавъ въ Господа Іисуса Христа. Но для ап. Павла и этихъ немногихъ было достаточно. Чрезъ нихъ, чрезъ ихъ знакомство съ городекими жителями, — римлянами и туземцами, онъ могъ обратиться съ проповѣдью и къ этимъ послѣднимъ.

Успѣхъ христіанской проповѣди былъ утѣшительнъ для самого проповѣдника. Христіанская религія, обаятельная сама по себѣ, имѣетъ силу привлекать къ себѣ вслѣдствіе своей очевидной истинности и благотнаго дѣйствія. Для туземныхъ жителей Асты ея обаятельность была еще сильнѣе. Причина того заключалась въ томъ, что ихъ прежняя религія имѣла на нихъ чрезвычайно мало вліянія; въ религиозномъ отношеніи они стояли на весьма низкой ступени развитія. Ихъ міеологія божествъ была совершенно неразвита и проста; это очевидно уже изъ того, что до насъ не дошло ничего опредѣленнаго и извѣстнаго изъ ихъ религіи. Боги испанцевъ, не имѣя твердаго положенія въ ихъ душахъ, не удержались и въ ихъ исторической памяти и скоро всеѣмъ исчезли даже со своими племенами не только храмами и памятниками. Уже Страбонъ, желая что-либо сказать о религіи испанцевъ, не нашелъ возможнымъ сдѣлать этого, — такъ мало было ему самому извѣстно объ этомъ предметѣ. Мы находимъ у него очень краткое и совершенно неясное выраженіе о религіи туземцевъ. «Нѣкоторые авторы, читаемъ мы у него, говорятъ, что Каллаики (одно изъ племенъ Испаніи) не имѣютъ боговъ, а Келтиберы и ихъ сѣверные сосѣди по ночамъ во время полнолуній пляшутъ со всеѣмъ семействомъ и шируютъ предъ дверями своихъ домовъ въ честь какого-то безъимяннаго Бога (3, 4, 16). — Такая религія, конечно, не могла устоять противъ божественной силы христіанской религіи. Для каждаго испанца съ полною ясностію должна была представляться эта бѣдность его языческихъ религиозныхъ воззрѣній, лишь только ему удавалось ознакомиться съ глубокими, свѣтлыми и жизненными христіанскими истинами.

Кромѣ того путь для распространенія христіанства среди испанцевъ былъ нѣсколько подготовленъ римлянами. Исторически извѣстно, что всюду, куда только они не заявлялись, они вмѣстѣ съ своею властію распространяли свою цивилизацію, свой языкъ, свои законы и права. Но вмѣстѣ съ распространеніемъ ихъ законовъ и обычаевъ распространялась отчасти если и не римская религія, то римская религиозная терпимость. Допуская въ Римѣ поклоненіе богамъ всеѣхъ странъ

и народовъ, римляне и въ своихъ колоніяхъ умѣли всегда проводить въ жизнь свое основное воззрѣніе и религіозное настроеніе терпимости; они вездѣ являлись своего рода развратителями туземнаго религіознаго культа. То же самое они принесли съ собою и въ Испанію; чрезъ нихъ и въ сердце испанскихъ туземцевъ проникъ духъ сомнѣнія, духъ свободнаго отношенія къ своимъ богамъ и религіознымъ обрядамъ. Религія испанцевъ послѣ того потеряла и то небольшое значеніе, которымъ она пользовалась ранѣе; и прежніе почитатели безъимяннаго бога, принявши обычаи и языкъ римлянъ, готовы были принять и ихъ религію, религіозный культъ. Но послѣдняго не могли сообщить римляне;—во-первыхъ потому, что они никогда не думали навязывать его какому бы то ни было народу, а во вторыхъ и самый религіозный римскій культъ виѣ своихъ государственнo-общественныхъ обрядовъ представлялъ собою нѣчто неусловимое и неудобовоспріимлемое. Римляне были практическіе дѣятели; они учили жизни для жизни по правиламъ и законамъ чисто человѣческимъ; но не могли учить жизни духовной, жизни вѣры и религіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи они скорѣе всего были готовы сами воспринимать и заимствовать отъ другихъ народовъ ихъ нѣкоторыя религіозныя воззрѣнія. Испанцы, научившись отъ римлянъ правиламъ и законамъ жизни общественной, виѣшней, за правилами и законами жизни внутренней, за религіей и за религіозной благодатію должны были обратиться къ другому источнику.

Этимъ-то источникомъ и явилось христіанство для жителей Испаніи. Религіозная жажда, особенно послѣ того какъ были подорваны римскимъ скептицизмомъ ихъ послѣдніе религіозные устои, должна была возрасти въ испанцахъ до особенной степени напряженности. Имъ необходимо было искать воды живої, воды для своей души, немогущей удовлетвориться жизнію земныхъ интересовъ, чѣмъ удовлетворялась душа практическихъ римлянъ. Духовная природа испанцевъ не была еще искажена; не напрасно Страбонъ называлъ ихъ мягкими по характеру и общительными, т. е. доступными вліянію правды, истины и добра. Поэтому они съ радостію, какъ давно желаннаго гостя, приняли ап. Павла и всей душой предались новой для нихъ проповѣдуемой религіи. Ап. Павелъ уже успѣлъ ознакомиться съ пустою и безсодержательностію ихъ прежней религіи, понялъ и прозрѣлъ ихъ томленіе отъ неимѣнія истиннаго богопознанія. Онъ узналъ о томъ, о чемъ говорить Страбонъ, узналъ, что они между другими богами поклонялись и Богу незнаемому, неизвѣстному; а потому онъ могъ говорить имъ, какъ говорилъ нѣкогда аѳинянамъ въ ихъ ареопагѣ. Онъ могъ свою проповѣдь къ испанцамъ начать обращеніемъ: сего Бога, котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ (Дѣян. 17, 23). Испанцы были подобны аѳиня-

намъ въ почитаніи невѣдомаго Бога, но они еще не успѣли настолько осуетиться, какъ осуетились тѣ, ища премудрости, по выраженію апостола. Сердца испанцевъ были болѣе просты и болѣе доступны воспріятію божественной истины изъ устъ проповѣдника. Поэтому и нельзя было ожидать, чтобы они сказали апостолу, какъ сказали ему аѳиняне: «объ этомъ (о воскресеніи мертвыхъ) мы поступаемъ тебя послѣ» (Дѣян. 17). Испанцамъ былъ чуждъ аѳинскій скептицизмъ, и они съ открытымъ сердцемъ и нелицемѣрною вѣрою воспринимали въ свою душу всѣ слова апостола о великихъ истинахъ христіанской религіи. Сѣмя христіанской апостольской проповѣди, павшее на добрую почву, скоро возросло и принесло плодъ сторицею. Христіанское общество Астѣ возросло въ количествѣ своихъ членовъ и усовершенствовалось въ качествѣ ихъ христіанской вѣры, познанія и жизни по вѣрѣ.

Апостолъ могъ бы ограничиться однимъ городомъ Асты, какъ мѣстомъ своей проповѣднической дѣятельности и не выходить изъ него никуда. Но кромѣ того, что апостолъ не имѣлъ обыкновенія долго оставаться въ одномъ и томъ же мѣстѣ, онъ и по другимъ основаніямъ долженъ былъ перенести свою проповѣдь въ другіе города Испаніи. Онъ признавалъ, что христіанство въ торговомъ приморскомъ городѣ, какимъ были Асты, не могло быть особенно устойчиво и надежно. Поэтому еще во время пребыванія въ Астахъ онъ принималъ временныя путешествія въ окрестные города и былъ въ Астуріи, Меридѣ и др. Полное право предполагать это даетъ намъ св. Кипріанъ, который въ своемъ 57 письмѣ упоминаетъ какъ уже о славныхъ и въ его время церквахъ Леонской, Астурійской, Меридской и Сарагосской. Вѣрнѣе полагать, что эти церкви были основаны самимъ апостоломъ Павломъ, а не какими-либо другими проповѣдниками. Объ этихъ послѣднихъ ничего неизвѣстно, тогда какъ объ ап. Павлѣ мы знаемъ, что онъ путешествовалъ въ Испанію съ проповѣдническою цѣлію. И отвергать происхожденіе нѣкоторыхъ церквей отъ ап. Павла только лишь потому, что эти церкви сами не знаютъ своихъ основателей, едва ли справедливо. Конечно, было бы другое дѣло, если бы эти испанскія церкви указывали и называли своими основателями прямо другихъ проповѣдниковъ, а не ап. Павла. Но въ дѣйствительности этого мы нигдѣ не видимъ. Поэтому вполне справедливо слѣдующее разсужденіе историка Пресансе примѣнить по преимуществу къ ап. Павлу. «Труды миссіонеровъ, принесшихъ евангеліе въ Испанію извѣстны только по ихъ плодамъ, но если ихъ имена погибли, то слѣды ихъ ногъ замѣтны, глубоко напечатлѣнные на той землѣ, гдѣ столько племенъ замѣщали одно другое». (Том. I, 45).—Церковь Испаніи была уже важна въ концѣ третьяго вѣка, ибо въ гоненіе Діоклетіана здѣсь прославилось много христіанскихъ мучениковъ; а въ четвертомъ вѣкѣ было нѣсколько соборовъ.

Насадивши христіанство въ Астахъ и его окрестныхъ городахъ, ап. Павелъ думалъ пройди съ своею проповѣдью по возможности по всей странѣ Испаніи; онъ хотѣлъ видѣть ея народы и послужить ихъ просвѣщенію. Ничто не препятствовало ему въ исполненіи того желанія. Испанія, находившаяся подъ властію римлянъ представляла всѣ доступныя тогда удобства для путешествія. Вездѣ встрѣчались благоустроенные города, торныя и безопасныя дороги, и вездѣ дѣйствовала сильная власть римскихъ сановниковъ, которые въ случаѣ нужды всегда могли оказать ап. Павлу, какъ римскому гражданину, свою защиту и покровительство. Ап. Павелъ не припустилъ воспользоваться всѣми этими удобствами, и, оставивъ Асты, направился вглубь страны испанскаго полуострова.

Кому же поручалъ онъ оставляемую имъ христіанскую общину Асты? Съ нимъ не было такихъ вѣрныхъ и опытныхъ учениковъ, какіе сопровождали его по Малой Азіи. Въ Испанію онъ прибылъ одинокимъ, а здѣсь за короткое сравнительно время своего пребыванія не успѣлъ образовать и воспитать изъ туземцевъ учениковъ подобныхъ св. Тимоѳею или Титу. Поэтому хотя и съ горечью и съ опасеніемъ апостолъ, оставляя Астскую церковь, поручалъ ее ей же самой, надѣясь на ея собственную твердость въ вѣрѣ и совершенство въ познаніи христіанскихъ истинъ, а главное, конечно, полагаясь на Божественный промыселъ. Самимъ членамъ новоустроенной христіанской общины во главѣ съ епископомъ и пресвитерами ап. Павелъ завѣщалъ пещись о ея собственномъ духовномъ преуспѣянніи. Онъ заповѣдалъ имъ блюсти все то, что они слышали отъ него, и совѣтывалъ имъ заниматься особенно усердно чтеніемъ и изученіемъ Свящ. Писанія, какъ иѣкогда онъ совѣтовалъ св. Тимоѳею, оставляя его самостоятельнымъ руководителемъ Ефесской церкви. Великій проповѣдникъ, если и не рассчитывалъ еще разъ побывать въ Астахъ, то вѣровалъ, что всемогущій и всеблагій Богъ возраститъ и укрѣпитъ то, что онъ посѣялъ на этой духовной испанской почвѣ.

Посѣщеніе города Астиги.

Съ надеждою на Бога и на Его премудрый промыселъ ап. Павелъ отправился изъ Астъ вверхъ по теченію рѣки Бетиса. Эта многоводная рѣка была доступна для плаванія даже и очень значительныхъ кораблей; по крайней мѣрѣ, по сообщенію Страбона, корабли могли доходить до самой Кордубы. Дальше же внутрь страны путь совершался или пѣшкомъ или верхомъ на вьючныхъ животныхъ. По берегамъ Бетиса, какъ по своего рода торговой дорогѣ стояли довольно часто многолюдные города, которые служили средоточными пунктами для тор-

говой дѣятельности. Апостолу пришлось проѣхать мимо Небриссы, Ориппо, Гиспалиса, Аксати, пока не прибылъ въ большой и торговый городъ Астиги. Этотъ городъ находился при впаденіи въ р. Бетисъ его притока Урія, и его жители пользовались всѣми выгодами, которыя можно извлечь изъ двухъ сходящихся водныхъ путей сообщенія: по Бетису приходили къ нимъ товары съ сѣверо-востока, а по Урію—съ востока. Астиги служили нѣкоторымъ складочнымъ пунктомъ, и уже изъ него товары шли далѣе по Бетису къ приморской гавани. Поэтому здѣсь всегда была кипучая торговля; здѣсь можно было встрѣчаться со многими народностями, и можно было найти средства осуществленія многихъ интересовъ.

Влекомый интересомъ просвѣтительной миссіонерской дѣятельности прибылъ въ Астиги и ап. Павелъ. Апостольская проповѣдь въ этомъ городѣ должна быть,—и таковою была въ дѣйствительности,—очень успѣшною и плодотворною. Здѣсь, какъ и въ Астахъ, навстрѣчу апостольскихъ убѣжденій оставить свои прежнія языческія заблужденія и обратиться къ вѣрѣ во Христа, шли и нетвердость жителей въ своей языческой религіи и ихъ способность воспринять болѣе чистое и возвышенное христіанское ученіе объ истинѣ. Но сравнительно съ астцами жители Астиги обладали и нѣкоторыми преимуществами для воспріятія апостольской проповѣди. Они были чужды той суетности и суетливости, которая успѣла уже сообщиться астцамъ, какъ жителямъ приморскаго города. Къ тѣмъ привилась римская практичность, а вмѣстѣ съ нею привилось и то легкомысленное отношеніе къ интересамъ вѣры и духа, чѣмъ отличались и даже хвалились извѣрившіеся римляне. Вслѣдствіе этого ап. Павлу сравнительно трудно было основать въ Астахъ христіанскую церковь, какъ не возможно было поручиться, что она навсегда останется вѣрною апостольскому завѣту и пойдетъ прямымъ путемъ христіанскаго совершенствованія въ вѣрѣ, надеждѣ и любви. А то, что въ Астахъ не сохранилось никакого преданія о слышанной здѣсь нѣкогда христіанской проповѣди изъ устъ самого апостола, исполнѣе подтверждаетъ все сказанное о свойствахъ и особенностяхъ астицевъ: они, увлекшись мірскими заботами, совершенно забыли объ апостолѣ и легкомысленно допустили изгладиться изъ своей памяти и съ ихъ почвы характернымъ слѣдамъ апостольской дѣятельности.—Этого не случилось съ жителями Астиги.

Астигійцы, вѣроятно предуведомленные о предстоящемъ прибытіи ап. Павла изъ Асты, съ радостію встрѣтили христіанскаго проповѣдника. Среди нихъ нашлись и такіе, которые, будучи въ Астахъ, слышали тамъ проповѣдь апостола, и прибывши теперь сюда, въ Астиги, были посредниками между апостоломъ-проповѣдникомъ и его новыми слушателями астигійцами. Они еще раньше, чѣмъ прибылъ сюда ап. Павелъ,

сообщили своимъ согражданамъ сущность апостольскаго ученія, сущность христіанской вѣры; своими разсказами они къ прибытію апостола успѣли возбудить сильный интересъ къ новой религіи. Такъ что, когда среди нихъ явился самъ ап. Павелъ, то ему пришлось дѣлать свое дѣло не съ самаго начала, но съ нѣсколько большаго. Ему уже не нужно было возбуждать въ астигійцахъ интересъ къ себѣ и къ своей проповѣди. Они и безъ того уже интересовались имъ; равно какъ интересовало и тревожило ихъ сердце и мысли содержаніе его проповѣди. Теперь они хотѣли лично и болѣе подробно ознакомиться съ проповѣдникомъ и проповѣдуемымъ имъ ученіемъ. Для ап. Павла, такимъ образомъ, не нужно было, такъ сказать, рекомендовать астигійцамъ себя и свое ученіе; ему приходилось уже раскрывать предъ ними тайны христіанскаго ученія о совершившемся искупленіи рода человѣческаго чрезъ воплощеніе Сына Божія Господа нашего Иисуса Христа. И чѣмъ живѣе и искреннѣе былъ интересъ астигійцевъ, тѣмъ дѣйственнѣе было для нихъ слово апостольской проповѣди. Если они пришли на бесѣду съ апостоломъ съ полнымъ сознаніемъ своей грѣховности, своихъ языческихъ заблужденій и необходимости измѣнить свою жизнь; если пришли съ открытымъ для воспріятія истины сердцемъ, то ни одно слово апостольской проповѣди не могло пасть даромъ. Они въ этомъ случаѣ являлись тою удобною почвою, которая обладая достаточною влагою и внутренними соками, возвращаетъ принятое въ себя зерно, и это послѣднее приноситъ плодъ сторицею. Слова апостольской проповѣди, западая въ души астигійцевъ, производили въ нихъ рѣшительный переворотъ; они какъ бы сразу перерождали ихъ и заставляли, — сначала въ намѣреніи, — жить новою жизнію сообразно съ новымъ ученіемъ. Ап. Павелъ радовался этой воспримчивости своихъ новыхъ духовныхъ чадъ и еще съ большею любовною радостію раскрывалъ предъ ними тайны христіанской вѣры, силы христіанской надежды и упованія и могущество и плодотворность христіанской любви. За оглашеніемъ, за сообщеніемъ христіанскихъ истинъ и внушеніемъ твердой вѣры въ тайны христіанства, слѣдовало крещеніе, а потомъ возложеніе и апостольскихъ рукъ для преподанія даровъ Св. Духа. Такъ образовалась среди астигійцевъ христіанская церковь. Правда сначала она была очень немногочисленна. Но постепенно любовь и ревность апостола съ одной стороны, съ другой готовность самихъ жителей дѣлали то, что эта церковь росла все болѣе и болѣе. А вмѣстѣ съ внѣшнимъ ростомъ, т. е. увеличеніемъ числа членовъ, происходила и внутренній ростъ: крѣпла вѣра ея членовъ, уяснялось и усовершенялось познаніе христіанскихъ истинъ, и сильнѣе проявлялась въ ихъ жизни преданность Богу и любовь къ ближнему. Такъ подъ непосредственнымъ руководствомъ ап. Павла астигійское общество приближалось къ совершен-

ному возрасту въ Иисусѣ Христѣ, который долженъ былъ служить для нихъ завѣтною цѣлію.

Теперь у апостола могло возникнуть желаніе оставить и этотъ городъ и эту, новоустроенную христіанскую церковь. Она уже достаточно окрѣпла въ вѣрѣ, любви и христіанскомъ познаніи и имѣла среди своихъ членовъ лицъ вполне совершенныхъ, которые могли быть поставлены апостоломъ руководителями въ дальнѣйшей церковной жизни. Эти члены, выдающиеся по вѣрѣ и обилію полученныхъ благодатныхъ даровъ, были рукоположены въ пресвитеры и подчинены главному надзору епископа. При столь благоустроенномъ и совершенномъ христіанскомъ обществѣ апостолъ уже не находилъ возможности приложенія своей ревностной дѣятельности. Онъ чувствовалъ себя какъ бы лишнимъ въ Астиги. А между тѣмъ зналъ, что тамъ въ глубинѣ полуострова, есть страны и народы, еще совсѣмъ неслыхавшіе христіанской проповѣди. Все это побуждало апостола оставить этотъ столь утѣшившій его городъ и идти далѣе впередъ какъ бы вѣстникомъ пришедшаго на землю царства Божія. Притомъ же, оставляя безъ своего личнаго руководства астигійское христіанское общество, апостолъ могъ быть совершенно спокоенъ за его будущее. Дѣйствительно надежда апостола не обманула его. Астигійская церковь не только не отступила отъ преподаннаго ап. Павломъ ученія, не только не растеряла полученнаго, но съ благодарностью сохранила въ своемъ преданіи и память о личномъ присутствіи его въ ихъ городѣ и его личныхъ трудахъ среди ихъ предковъ.

Путешествіе по внутренней Испаніи.

Согласно своему прежде составленному плану,—пройти съ христіанскою проповѣдью чрезъ всю Испанію, ап. Павелъ, оставивши астигійскую церковь, направился далѣе по рѣкѣ Бетису. Чѣмъ далѣе шелъ онъ въглубь полуострова, тѣмъ мѣстность становилась все малонаселеннѣе; города встрѣчались все рѣже и рѣже, и ему приходилось проходить чрезъ небольшія селенія, отдѣленные одно отъ другого большими разстояніями. Какъ климатъ, такъ и почва значительно мѣняли свои свойства. Климатъ становился суше и не такъ былъ тепелъ, какимъ онъ былъ въ южной части Турдитаніи. Почва, плодородная на югѣ, покрытая лѣсами и обильная влагой, здѣсь постепенно переходила въ пустынные каменистыя равнины. Пройдя нѣсколько по Бетису, апостолъ вступилъ въ страну Бетурию, которая лежитъ къ сѣверу отъ р. Бетиса по р. Анѣ. Страбонъ замѣчаетъ, что она представляетъ собою сухія и безплодныя равнины. Далѣе за Бетурией на пути апостола лежала Карнетанія. По свойству климата и почвы это тоже, что и Бетурия. Поверхности этихъ странъ отличаются неровностью, маловодіемъ и

безплодіемъ почвы. Здѣсь жизнь совсѣмъ заглохла бы и приостановилась, еслибы не тѣ минеральныя богатства, которыми такъ обильны эти страны. Какъ Бетурія, такъ и Каристанія славилась издревле богатыми серебрянными и золотыми рудниками. По словамъ Страбона, до настоящаго времени нигдѣ на землѣ нѣтъ ни золота, ни серебра, ни мѣди, ни желѣза въ такомъ количествѣ, и такого достоинства какъ здѣсь. Золото добывается не только изъ горъ, но также изъ рѣки, лѣсныхъ потоковъ, которые выносятъ золотой песокъ, находимый даже въ неорошаемыхъ мѣстахъ. Даже при рытьѣ колодцевъ и другихъ подобныхъ случаевъ жители находятъ золотой песокъ, изъ котораго посредствомъ промывки получаютъ чистое золото» (Кн. 3, 2, 8).

По этимъ-то обильнымъ металлами странамъ проходилъ ап. Павелъ, начиная съ Кордубы, пѣшкомъ. На его пути встрѣчались не торговые города, но лишь заводы и прииски, а при нихъ небольшія селенія. Въ этихъ селеніяхъ апостолъ встрѣчалъ рудокоповъ и ихъ семейства, имъ проповѣдывалъ слово христіанской истины. Но нельзя ожидать, чтобы эта проповѣдь была особенно успѣшна и плодотворна. Приходилось проповѣдывать такимъ людямъ, забота которыхъ всецѣло поглощалась ихъ нелегкою работою. Добываніе руды и ея промываніе отнимало у жителей все время дня; а свободные часы нужны были для отдыха и сна. Только въ эти немногіе часы отдыха апостолъ могъ собирать около себя слушателей и обращаться къ нимъ съ проповѣдью о Богѣ, о царствѣ Божіемъ, о загробной жизни, о томъ сокровищѣ, которое соблюдается на небѣ, и которое червь не истребляетъ, моль не портитъ, и воры не крадутъ. Слушая апостола лишь короткое время, лишь урывками и притомъ не успѣвая отрѣшиться отъ своей постоянной заботы о добываемомъ золотѣ, рабочіе немного извлекали изъ возвышенной и одушевленной апостольской, проповѣди. Усваивали эту проповѣдь, отдавались ей всей душой и дѣлались истинными христіанами только тѣ, которымъ приходилось бывать на бесѣдѣ съ апостоломъ чаще и долѣе, и которые обладали душою, особенно воспримчивою, способною увлекаться истиною и добромъ, или уже заранѣе предрасположенною къ усвоенію христіанской проповѣди.

Ап. Павелъ не оставался здѣсь на одномъ мѣстѣ, но переходилъ съ завода на заводъ, изъ селенія въ селеніе, и былъ въ городахъ Либизозѣ, Ляминіи, Толетѣ и др. Псевдо-Метафрастъ и лѣтописецъ Глика рассказываютъ намъ объ одномъ замѣчательномъ событіи изъ жизни апостола за этотъ періодъ его испанской проповѣднической дѣятельности.—Ап. Павелъ пробылъ въ этой мѣстности уже довольно значительное время. Его имя стало извѣстно во многихъ городахъ и селеніяхъ, равно какъ стало распространяться среди жителей и христіанство проповѣдуемое апостоломъ. Приобрѣтенные имъ послѣдователи въ

значительномъ количествѣ всюду сопровождали его; а когда отлучались, то и на сторонѣ, вдали отъ апостола, сообщали другимъ своимъ землякамъ то, что успѣли услышать и воспринять отъ него. Изъ числа познакомившихся съ христіанствомъ и знавшихъ объ ап. Павлѣ чрезъ подобныхъ проповѣдниковъ была одна знатная женщина, жена губернатора Проба. Этотъ Люцій Сабинъ Пробъ былъ, по извѣстію нѣкоторыхъ хронографовъ, губернаторомъ аренатской провинціи, къ которой принадлежали и города Либиозы и Ляминіи. Въ одно время ап. Павелъ пришелъ въ Либиозу; а такъ какъ Ляминіи, въ которомъ имѣлъ мѣстопробываніе губернаторъ вмѣстѣ со своею семьею, находился недалеко отъ Либиозы, то объ этомъ апостольскомъ посѣщеніи услышала и жена Проба. Много-слышавшая объ апостолахъ и сильно заинтересованная проповѣдуемымъ имъ ученіемъ, она просила своего мужа пригласить проповѣдника въ свой городъ къ себѣ въ домъ. Пробъ исполнилъ просьбу жены, а апостолъ съ готовностью выполнилъ его желаніе и изъ Либиозы пришелъ въ Ляминіи. И вотъ, когда, приготовившись къ встрѣчѣ чрезвычайнаго гостя, губернаторша ожидала внутри дома ап. Павла, долженствующаго войти вмѣстѣ съ другими, и когда въ домъ вошло нѣсколько человѣкъ, и она не знала, кто изъ нихъ собственно великій проповѣдникъ.—неожиданно для себя она видитъ вокругъ головы одного изъ вошедшихъ золотую надшпъ въ воздухѣ: «Павелъ-проповѣдникъ Христа». Поразительно было для губернаторши то чудесное видѣніе; хотя она и слышала о другихъ чудесахъ апостола, но не надѣялась сама удостоиться видѣть чудо; и ея обращеніе въ христіанство съ сего времени сдѣлалось несомнѣннымъ. Она съ довѣріемъ обратилась къ ап. Павлу, съ открытымъ сердцемъ стала внимать его словамъ, и для нея скоро открылись и стали доступны тайны христіанской религіи. Она увѣровала въ І. Христа, воплотившагося Сына Божія, увѣровала въ возможность чрезъ благодать Христову приблизиться къ Единому Богу и чрезъ крещеніе возродиться для жизни новой и святой. Ап. Павелъ ясно видѣлъ искренность и твердость вѣры новопросвѣщенной и потому немедля долго крестилъ ее, давъ ей при крещеніи имя Ксантиппы. Вслѣдъ за Ксантиппою, увлеченные ея примѣромъ, а отчасти убѣжденіями и проповѣдью апостола, приняли крещеніе ея мужъ Пробъ и сестра Полксена. Пробъ, какъ губернаторъ, имѣя частыя сношенія съ римскимъ префектомъ города Толета Филоеемъ, обратился къ христіанству и этого послѣдняго. Такъ въ число членовъ христіанскаго общества вступило нѣсколько знатныхъ лицъ, болѣе просвѣщенныхъ и болѣе вліятельныхъ среди жителей Пенаніи.

Эти лица, сами принявши христіанство, сдѣлались помощниками ап. Павла въ его проповѣднической дѣятельности, и несомнѣнно ихъ труды и успія не пропадали напрасно. О По-

ликсенѣ мы имѣемъ преданіе, что она къ проповѣднической дѣятельности привлекла Онисима. Это тотъ Онисимъ, рабъ Филимона, котораго ап. Павелъ обратилъ въ христіанство. Онъ въпослѣдствіи былъ поставленъ помощникомъ Тимоѳея по управленію Ефесской церковью. Когда онъ однажды прибылъ въ городъ Патары Фригійскія, то здѣсь случайно встрѣтился съ Поликсеной, которая и убѣдила его идти въ Испанію, чтобы продолжать тамъ проповѣдь дорогаго и ему ап. Павла. Онисимъ внялъ увѣщаніямъ Поликсены, прибылъ вмѣстѣ съ нею въ Испанію, гдѣ въ продолженіи многихъ лѣтъ трудился надъ просвѣщеніемъ испанскаго народа. По другому преданію вмѣстѣ съ Онисимомъ и Поликсеною проповѣдью христіанства среди испанцевъ занималась и Ксантиппа; они ходили по городамъ Карептаніи и особенно часто посѣщали родной имъ городъ Тямнній. Не раздѣлялъ трудовъ проповѣдничества съ этими лицами Пробъ. Онъ, какъ бывшій римскій чиновникъ, по своемъ обращеніи въ христіанство, не рискуя понапрасну своею жизнію, не могъ оставаться долѣе на прежнемъ мѣстѣ своей гражданской дѣятельности, но, отказавшись отъ нея, совѣмъ удалился изъ Испаніи. Изъ его жизнеописанія мы знаемъ, что послѣ крещенія онъ удалился въ Италію и здѣсь въ городѣ Равеннѣ сдѣлался со временемъ епископомъ.

Такимъ образомъ проповѣдь ап. Павла въ Бетурии и Карептаніи нашла здѣсь довольно воспріимчивыя сердца. Христіанская церковь, благодаря ревности апостола и сочувствію и содѣйствію ему со стороны самихъ жителей, быстро росла и укрѣплялась. Когда къ христіанству присоединились Пробъ, Ксантиппа и Поликсена, и когда они сдѣлались его дѣятельными помощниками, тогда ему ничего не оставалось, какъ удалиться отсюда въ другіе города и мѣстности. Поставивши по городамъ пресвитеровъ, а гдѣ нужно и можно и епископа, давши, такимъ образомъ, церкви этой мѣстности возможность самостоятельнаго развитія и преподавши своимъ спутникамъ послѣднія наставленія, апостоль, простившись съ ними пошелъ еще далѣе на сѣверъ.

Новый путь ап. Павла лежалъ по направленію къ берегамъ рѣки Ибера. Здѣсь мѣстность становилась болѣе населенною, и апостолу на его пути чаще и чаще стали попадаться значительные города, вполне знакомые съ римской цивилизаціей и нерѣдко въ значительной степени населенные римлянами. Таковъ былъ городъ Кесаравгуста. Онъ былъ расположенъ на берегу Ибера и представлялъ собою римскую колонію, въ которой все было болѣе римскимъ, чѣмъ туземнымъ испанскимъ. Едва ли ап. Павелъ находилъ здѣсь подходящія условія для своей проповѣднической дѣятельности. Римскіе колонисты были всецѣло погружены въ житейскіе интересы, въ заботу—извлечь всевозможныя выгоды изъ новыхъ окружающихъ ихъ условій. Въ ихъ сердцахъ не оставалось мѣста для воспріятія проповѣди

христіанства; они слишкомъ тяготѣли къ землѣ и не хотѣли и не могли подняться до пониманія истинъ религіи духа. Не могли найти апостолъ удобной почвы для своей проповѣди и среди туземныхъ жителей. Они, по описанію Страбона, и въ его время отличались дикостью и жестокостью своихъ нравовъ. Они чрезвычайно противились усвоенію римской цивилизаціи и отчаянно отстаивали свою самостоятельность отъ римскихъ завоевателей. Даже и послѣ того, какъ римляне уже прочно водворились въ ихъ странѣ, они продолжали вести отчужденную отъ нихъ жизнь въ своихъ бѣдныхъ деревушкахъ, воздѣлывая мало плодородную почву при суровомъ климатѣ. Трудно было ап. Павлу одному безъ сотрудниковъ, въ короткое время сдѣлать многое своею проповѣдью среди подобныхъ слушателей. Здѣсь могъ достигнуть болѣе или менѣе осязательныхъ результатовъ только такой проповѣдникъ, который бы отдалъ религіознымъ интересамъ этихъ дикарей всего себя нераздѣльно во все время своей жизни. Но апостолъ не могъ сдѣлать этого; онъ не могъ остаться въ этой странѣ навсегда, равно какъ не могъ отрѣшиться мыслью и сердцемъ отъ того поля дѣятельности, которое было уже пройдено имъ. Его мысль часто возвращалась къ малоазійскимъ церквамъ, возвращалась къ греческимъ и испанскимъ. Теперь же, когда онъ прибылъ въ Кесаравгусту, и увидалъ здѣсь многое, что онъ видѣлъ въ Римѣ, ему съ особенною ясностью вспомнился этотъ городъ и его христіанское общество. Вспомнилось ап. Павлу то полное печали и надежды разставаніе, которое происходило у него въ Остіійской гавани; вспомнились слезы римскихъ женщинъ, просьбы христіанъ о его скоромъ возвращеніи, а также и его собственное обѣщаніе не быть въ Испаніи болѣе года и подтвержденіе его небеснымъ голосомъ. Но вотъ этотъ годъ подходитъ уже къ концу и время близилось къ веснѣ 67 года. Что нужно было предпринять ему?—Оставаться проповѣдывать по берегамъ Ибера, гдѣ онъ былъ теперь, было почти бесполезно. Или обратиться назадъ и проходить снова по прежнимъ областямъ Испаніи?—По онъ зналъ, что его присутствіе тамъ въ настоящее время вовсе не было необходимо. Самымъ лучшимъ исходомъ ему казалось отправиться въ Римъ. Чрезъ это путешествіе онъ исполнилъ бы свое обѣщаніе, а съ другой стороны оказалъ бы большую пользу и для христіанства вообще и для римской церкви въ особенности.

Отправляясь въ Испанію, онъ оставилъ римскую церковь далеко не въ надежномъ состояніи. Число ея членовъ было невелико; да и эти не отличались особенною духовною опытностью и высокимъ христіанскимъ совершенствомъ. Къ тому же среди нихъ, какъ зналъ ап. Павелъ, не было вполне надежнаго руководителя. Таковымъ тамъ остался пресвитеръ Парциссъ; но онъ былъ болѣе совершеннымъ въ христіанской вѣрѣ и христіанскомъ познаніи только лишь сравнительно съ

другими римскими христіанами, совсѣмъ неуспѣвшими окрѣпить въ своихъ новыхъ христіанскихъ убѣжденіяхъ. Между тѣмъ на долю римскаго христіанскаго общества выпадало гораздо болѣе соблазновъ, гораздо болѣе поводовъ или совсѣмъ отпасть отъ христіанства подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ или впасть въ заблужденія, увлекшись различными философами и религіозными проповѣдниками. Такимъ образомъ на апостолѣ даже лежала нѣкотораго рода обязанность, немедленно въ Испаніи, поспѣшить своимъ возвращеніемъ въ Римъ.— Ап. Павелъ такъ и поступилъ ¹⁾).

Прот. Н. Орловъ.

¹⁾ Окончаніе будетъ.

Послѣдніе годы жизни св. ап. Павла *).

Обратное путешествіе изъ Испаніи въ Римъ.

Пробывши очень короткое время въ Кесаравгустѣ, ап. Павелъ по рѣкѣ Иберу спустился къ его устью и здѣсь разсчитывалъ найти корабль для своего обратнаго путешествія въ Римъ. Когда онъ прибылъ къ берегу средиземнаго моря и остановился въ одномъ приморскомъ селеніи Дортозѣ, морская навигація по случаю ранняго времени еще не началась.

Нужно было ждать времени, когда начнетъ плаваніе, и явится возможность выбыть отсюда. А пока никогда не прекращавшій дѣятельной жизни великій проповѣдникъ началъ и здѣсь свое дѣло просвѣщенія тамошнихъ жителей свѣтомъ христіанской истины. Преданіе Дортозской церкви сохранило благодарную память объ этой дѣятельности ап. Павла и передало послѣдующимъ поколѣніямъ извѣстіе о понесенныхъ имъ трудахъ въ этомъ небольшомъ въ то время селеніи.

Христіанство вслѣдствіе недалекаго разстоянія отъ Рима было не безъисвѣстно жителямъ Дортозы, особенно-же послѣ того, что случилось въ Римѣ въ 64 году по поводу тамошняго пожара. Вѣсть объ избіеніи множества христіанъ не могла пройти мимо Дортозы и возбудила здѣсь въ комъ простое любопытство, а въ комъ и живой интересъ къ той неизвѣстной вѣрѣ, за содержаніе которой обвиняли христіанъ. Если даже христіанская религія и не проповѣдывалась въ Дортозѣ прямо, если ее не называли по имени, то все-таки она была извѣстна дортозянамъ какъ какая-то новая вѣра, совершенно отличная отъ другихъ извѣстныхъ имъ до сего вре-

*) Окончаніе.

мени. Такимъ образомъ прибывшій въ Дортозу ап. Павелъ уже въ настроеніи ея жителей нашелъ нѣкоторую подготовку для начала своей проповѣди. Среди жителей Дортозы нашлись и такіе, которые уже ранѣе видѣли апостола или въ Испаніи или въ Римѣ, и много было такихъ, которые слышали о немъ отъ другихъ. Встрѣченный и тѣми и другими, какъ уже извѣстное лицо, путешествующее съ извѣстною цѣлью, ап. Павелъ прямо приступилъ къ евангельской проповѣди. Онъ раскрывалъ сущность евангелія, сущность той религіи, послѣдователями которой объявляли себя замученные въ Римѣ христіане. И то чувство состраданія къ невиннымъ мученикамъ, которое заставляло римскихъ жителей въ концѣ концовъ отворачиваться отъ зрѣлища ихъ казней, это чувство жителей Дортозы побуждало къ скорѣйшему принятію проповѣдуемаго апостоломъ ученія. Поэтому проповѣдь апостола въ Дортозѣ была весьма успѣшна и плодотворна; христіанскія истины быстро воспринимались искренними сердцами и число послѣдователей проповѣдуемаго І. Христа возрастало со дня на день. Дортозское христіанское общество и по количеству своихъ членовъ и по свойству ихъ вѣры и христіанскаго познанія скоро достигло такого состоянія, что получило отъ апостола устройство отдѣльной самостоятельной церкви, имѣющей своего епископа и пресвитеровъ. Первымъ епископомъ дортозской церкви, поставленнымъ въ этотъ санъ самимъ апостоломъ былъ нѣкто Руфъ. Память о его апостольскомъ рукоположеніи въ епископской санъ, равно какъ и его имя сохранило намъ преданіе дортозской церкви.

Это образование правильно устроенной дортозской церкви произошло сравнительно въ очень короткое время, и къ началу весенняго плаванія по средиземному морю апостолъ былъ совершенно свободенъ и имѣлъ возможность, не вредя нисколько новоучрежденному христіанскому обществу, оставить Дортозу и отправиться въ Римъ. Въ торговыхъ корабляхъ, отправляющихся изъ Дортозы въ Римъ, въ это время недостатка быть не могло,—хотя, по свидѣтельству Страбона, устье Ибера, гдѣ была разположена Дортоза, и не представляло удобной гавани. Въ весенье половодіе, пользуясь разливомъ рѣки, жители ея верховьевъ сплавливали къ ея устью, въ Дортозу, свои товары съ надеждою переправить ихъ въ Римъ. Ап. Павелъ имѣлъ полную возможность воспользоваться этимъ торговымъ движеніемъ и конечно воспользовался.

Онъ любовно простился съ дортозскою христіанскою общиною, оказавшеюся столь воспріимчивою къ его проповѣди, преподавъ всѣмъ вѣрующимъ обильныя наставленія, увѣщавая ихъ твердо и неизмѣнно держаться преподаннаго имъ ученія, внушая повиноваться епископу и пресвитерамъ, исполнять ихъ увѣщанія и предписанія и принимать совѣты и вразумленія. Епископу Руфу, который долженъ былъ остаться

замѣстителемъ апостола и главнымъ руководителемъ дортозскаго общества, ап. Павелъ далъ особенныя наставленія и, благословивъ его въ глазахъ всего общества, внушалъ всѣмъ, чтобы они оказывали ему сугубую честь, вниманіе и послушаніе. Вслѣдъ за торжественнымъ прощаніемъ, бывшимъ послѣ братской трапезы—агапы, великій миссіонеръ сѣлъ на корабль и навсегда оставилъ испанскій берегъ. Теперь онъ выполнилъ свое давнишнее желаніе побывать въ этой странѣ, исполнилъ завѣтъ Господа быть врачомъ испанцевъ, и возвращался въ Римъ съ успокоенною и удовлетворенною душою.

Третье пребываніе ап. Павла въ Римѣ.

Римское христіанское общество, оставленное ап. Павломъ ради проповѣданія евангелія жителямъ Испаніи, вскорѣ послѣ его отбытія подверглось крайней опасности. Преслѣдованіе-ли со стороны римской власти, враждебное-ли настроеніе народа къ распространяющейся христіанской религіи или обшая настроенность римскихъ жителей, совершенно противоположныя настроенности истиннаго христіанина, а можетъ быть всѣ эти причины вмѣстѣ произвели то, что многіе изъ членовъ христіанскаго общества отпали отъ принятой ими вѣры. Многіе измѣнили, Христу и возвратились вспять, увлекшись суето міра. Римляне, слѣдуя примѣру императора Нерона и его приближенныхъ, всѣмъ своимъ существомъ отдались постояннымъ празднествамъ, торжественнымъ оргіямъ, пышнымъ жертвоприношеніямъ, увлекательныхъ для нихъ цирковымъ зрѣлищамъ, состязаніямъ и играмъ съ жестокими казнями. Самъ историкъ Тацитъ дивился, что ему въ его лѣтописи приходилось писать только о казняхъ и жестокостяхъ, и даже извиняется предъ своими читателями. „Рабское терпѣніе, столько крови, бесполезно пролитой дома, утомляютъ умъ, и печаль охватываетъ душу. Другой защиты отъ тѣхъ, которые ознакомятся съ этимъ, не искалъ бы я, какъ лишь бы не сопровождали ненавистью такъ бесплодно и нерадиво погибшихъ. То былъ гнѣвъъ высшихъ силъ на дѣла Рима“ (16, 16).—Если даже Тацитъ въ казняхъ гражданъ видѣло проявленіе гнѣва высшихъ силъ, то это грозное проявленіе еще болѣе утрашало простой народъ, который гнѣвъъ боговъ видѣлъ также и въ непогодахъ и болѣзняхъ, посѣщавшихъ тогда Италію и Римъ. Этотъ гнѣвъъ, по мнѣнію народа, необходимо требовалъ умилоствленія, требовалъ болѣе строгаго и торжественнаго исполненія религіозныхъ обрядовъ и болѣе частыхъ и богатыхъ жертвоприношеній. Къ этимъ жертвоприношеніямъ привлекались всѣ жители Рима; и христіане, избѣгавшіе участія во всѣхъ общественныхъ увеселеніяхъ и особенно въ жертвоприношеніяхъ, естественно навлекали на себя мрачную подозрительность язычниковъ, и постоянно могли

ожидать открытаго возстанія противъ ихъ религіи и противъ ихъ самихъ,—ждать новаго гоненія.

Все это, конечно, сильно задерживало распространеніе христіанства и даже прямо дѣйствовало на него въ смыслѣ его сокращенія,—обнаруживалось въ отпаденіи членовъ его въ прежнюю языческую вѣру изъ-за страха смерти и всевозможныхъ непріятныхъ столкновеній съ язычниками,—родственниками и знакомыми. Такъ что книга, такъ называемые «Періоды Петра и Павла», можетъ быть лишь не много преувеличиваемъ, когда рассказываемъ, что вскорѣ, послѣ отбытія ап. Павла въ Испанію, въ Римѣ почти все христіане отпали отъ своей христовой вѣры; и остались вѣрными ей лишь пресвитеръ Нарциссъ, двѣ женщины и два больныхъ. Впрочемъ «Періоды» этотъ печальный фактъ изъ жизни римскихъ христіанъ думаютъ объяснить изъ другихъ случайныхъ причинъ. Но ихъ разсказу, христіане, обращенные ап. Павломъ, отпали отъ христіанства, пошли вслѣдъ за Симономъ Магомъ, который прибылъ въ Римъ около этого времени. Такимъ образомъ Симонъ былъ виновникомъ гибели трудовъ ап. Павла, и потому для возрожденія римскаго христіанства и привлеченія новыхъ членовъ, по мнѣнію книги «Періоды», нужно было не что иное, какъ прекращеніе дѣятельности этого вліятельнаго чрезъ свои чары мага. Устранить Симона съ пути развитія христіанскаго дѣла является въ Римѣ ап. Петръ. Этотъ первоверховный апостолъ, повѣствуютъ «Періоды», вступаетъ въ борьбу съ кудесникомъ; онъ творитъ множество чудесъ, подкрѣпляя ими свою проповѣдь христіанства, и пріобрѣтаетъ Христу все новыхъ и новыхъ послѣдователей. Наконецъ его борьба съ магомъ кончается полною побѣдою надъ нимъ: магъ, посрамленный нѣсколько разъ ранѣе, по молитвѣ ап. Петра, во время своего воздушнаго полета низвергается на землю и разбивается на части. Но и самъ ап. Петръ былъ осужденъ императоромъ Нерономъ на распятіе и крестными мученіями долженъ былъ закончить свою апостольскую дѣятельность.

Это событіе, если оно исторически достоверно, должно было совершиться незадолго до возвращенія ап. Павла изъ Испаніи въ Римъ въ началѣ 67 года. Славянскіе «Акты» ап. Павла, какъ извѣстно, возвращеніе ап. Павла приводятъ въ связь со смертію ап. Петра; и говорятъ, что ап. Павелъ поспѣшилъ прибыть въ Римъ, потому что услыхалъ о мученической кончинѣ первоверховнаго апостола. Выходитъ такимъ образомъ, что лишь только ап. Павелъ услыхалъ, что римское христіанское общество снова осталось безъ надежнаго руководителя, какъ сейчасъ же поспѣшилъ выбыть изъ Испаніи.

Медленно подвигался ап. Павелъ на тяжело нагруженномъ суднѣ; обычные восточные вѣтры затрудняли еще болѣе легкій путь. и только по прошествіи не малыхъ дней онъ на-

жонецъ прибылъ въ Остійскую гавань.—Это уже во второй разъ высаживался апостолъ въ осипійской гавани. Теперь онъ чувствовалъ себя здѣсь какъ въ родномъ городѣ? Все было ему хорошо извѣстно, извѣстно была и та дорога, которая должна привести его въ величественный Римъ. Несомнѣнно еще на пути, на остійской дорогѣ, онъ былъ встрѣченъ знакомыми ему лицами. Это были или обращенные ранѣе имъ самимъ христіане или обращенные безъ него, но знавшіе его за его прежнее пребываніе въ Римѣ, какъ его постоянные жители. Отъ нихъ онъ узналъ въ короткихъ чертахъ о происшедшемъ въ Римѣ во время его отсутствія, и освѣдомился, гдѣ и у кого ему всего лучше остановиться. А такъ какъ Лука и Титъ были уже въ Римѣ и дожидались его прибытія, то ап. Павелъ пожелалъ остановиться въ томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ нашли себя пріютъ и его два ученика.—Лука прибылъ въ Римъ, возвратившись съ востока, и, по прибытіи апостола изъ Испаніи, намѣревался занять при немъ то же самое мѣсто, которое онъ занималъ и ранѣе, т. е. какъ участникъ въ апостольской проповѣднической дѣятельности и какъ врачъ, нужный апостолу въ его матеріальныхъ нуждахъ и постоянныхъ болѣзняхъ. Титъ же прибылъ въ Римъ, исполняя просьбу апостола, которая была написана ему въ посланіи, полученномъ имъ еще на о. Критѣ. Тогда онъ не успѣлъ прибыть въ Никополь и застать тамъ апостола; этотъ послѣдній отправился въ Римъ, недождавшись своего ученика. И вотъ теперь, когда на о. Критѣ, все было устроено и направлено на благой путь совершенствованія, Титъ поспѣшилъ въ Римъ, рассчитывая если и не встрѣтить здѣсь самого апостола, то во всякомъ случаѣ узнать достоверно о его мѣстопробываніи. Надежда Тита не обманула его. Отъ римскихъ христіанъ онъ узналъ, что ап. Павелъ находится въ Испаніи, но скоро долженъ былъ прибыть оттуда, такъ какъ общался пробывать тамъ не болѣе года. Титъ остался въ Римѣ дожидаться этого возвращенія апостола, а пока занялся просвѣтительною дѣятельностію среди римскаго общества. Сопедавшись съ Лукою они сообща трудились на нивѣ Божіей, пока не прибылъ сюда ихъ учитель и наставникъ.

Благодаря этой предварительной дѣятельности своихъ учениковъ, ап. Павелъ нашелъ состояніе христіанскаго общества въ Римѣ не особенно печальнымъ. А если принять во вниманіе что здѣсь недавно проповѣдывалъ и первоверховный ап. Петръ, то успѣхи христіанской проповѣди въ Римѣ и вообще должны быть отрадными. Ап. Павлу, сообразно его авторитету и ревности, предстояло лишь еще шире развить христіанскую просвѣтительную дѣятельность. Онъ такъ и поступилъ. Тотчасъ-же по своемъ прибытіи онъ началъ свою проповѣдь евангелія. Его первыя бесѣды были среди тѣхъ, которые уже приняли христіанскую вѣру и нуждались развѣ въ

болѣе глубокомъ усвоеніи христіанскихъ истинъ и укрѣпленіи ихъ въ рѣшимости устроить свою жизнь по заповѣдямъ Спасителя, не уклоняясь отъ нихъ ради правилъ и требованій языческаго міра и его страстей и удовольствій.

Ап. Павелъ старался преподать имъ не только начатки христіанскаго ученія и сообщить таинства христіанской религіи, но заботился и о болѣе глубокомъ проникновеніи ихъ духа въ истины христіанства и объ обогащеніи ихъ богоданными дарами для жизни болѣе святой и совершенной, и училъ ихъ любви, которая долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не раздражается, не мыслитъ зла... Словомъ, онъ увѣщевалъ и училъ ихъ постепенно достигать того идеала совершенства, который долженъ быть цѣлѣмъ всякаго послѣдователя Христа.

Укрѣпивши въ достаточной степени тѣхъ, которые уже ранѣе были христіанами, ап. Павелъ обращаетъ свое вниманіе и на язычниковъ. Онъ и къ нимъ простираетъ свое слово благовѣстія. Его авторитетъ среди членовъ христіанской общины, его извѣстность среди язычниковъ, наконецъ сила его слова и почившей на немъ благодати Св. Духа производили то, что его проповѣдь не была гласомъ вопіющаго въ пустынь. Приходившіе случайно на его бесѣды съ христіанами или нарочито приглашенные сюда родственниками и знакомыми, жители развратившагося Рима невольно поддавались обаятельному вліянію апостольской проповѣди. Они, полагаясь во всемъ на проповѣдника, каялись предъ нимъ въ своихъ прежнихъ языческихъ заблужденіяхъ, открытымъ сердцемъ и безхитростнымъ умомъ старались усвоить и уразумѣть новыя для нихъ христіанскія истины и съ неліцемерною вѣрою воспринимать таинства христіанской религіи.

Когда же имя апостола и проповѣдуемая имъ христіанская религія стали извѣстны не только среди малаго круга незначительныхъ римскихъ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, но и среди представителей средняго и даже высшаго класса общества, тогда апостола стали приглашать на бесѣды въ частные дома. Здѣсь хозяинъ дома приглашалъ своихъ знакомыхъ и родственниковъ для слушанія апостольской проповѣди. И хотя теченіе тогдашнихъ историческихъ событій Рима все еще шло въ томъ же неблагопріятномъ направленіи, однако интересъ, возбужденный христіанскою проповѣдью ап. Павла былъ очень значителенъ; и такихъ домохозяевъ и собираемыхъ ими слушателей находилось немало въ многочисленномъ Римѣ. Конечно различны были побужденія, которыя заставляли собираться для слушанія проповѣди ап. Павла; и можетъ быть многіе приходили изъ простаго любопытства, а вовсе не изъ желанія удовлетворить своей духовной жадности. Но достаточно было и немногихъ, имѣвшихъ искреннее намѣреніе отстать отъ языческихъ заблужденій. Многіе и изъ

присутствующихъ по любопытству совершенно искренно обращались къ христіанству и дѣлались его вѣрными исповѣдниками.

И какъ прежде во время его первыхъ римскихъ узъ и во время второго свободнаго пребыванія въ Римѣ, ап. Павелъ нашелъ послѣдователей Христу въ кесаревомъ домѣ, и среди римскихъ всадниковъ и патриціевъ, такъ точно и теперь нашлись и въ высшемъ римскомъ обществѣ готовые принять христіанство.—Св. І. Златоустъ говоритъ намъ объ обращеніи ап. Павломъ одной женщины, находившейся въ близкой связи съ императоромъ Нерономъ.

Враждебность римскихъ язычниковъ къ христіанству.

Собранія вѣрующихъ для слушанія бесѣдъ ап. Павла, а также для молитвъ и совершенія свхаристической жертвы становились все многочисленнѣе и открытѣе. Но понятно также, что эти собранія, хотя и происходили болышею частію по ночамъ, не могли остаться незамѣченными для римскихъ жителей и для римскихъ властей. Особенно же обращала на себя общее вниманіе ревностная дѣятельность ап. Павла. Онъ всюду являлся во главѣ Христіанъ, первенствовалъ на ихъ собраніяхъ, руководилъ проповѣдническою дѣятельностію другихъ миссіонеровъ; его имя чаще другихъ произносилось какъ имя человека, обратившаго многихъ къ новой религіи. И та ненависть противъ христіанъ почетателей какого-то невидимаго Бога, которая скрыто всегда наполняла сердца невѣжественной римской черни, теперь грозила снова обнаружиться во всей своей силѣ. Если уже ко времени римскаго пожара христіанское общество успѣло обратить на себя вниманіе, какъ на совершенно отличное и самостоятельное; если и тогда было достаточно одного указанія на христіанъ какъ на виновниковъ пожара, чтобы возбудить противъ нихъ жестокое преслѣдованіе, то такое же точно настроеніе невѣжественнаго народа по отношенію къ христіанамъ должно было быть и теперь. Разница была лишь въ томъ, что по мѣрѣ увеличенія числа христіанъ, увеличивалось и число нерасположенныхъ къ нимъ; а также и въ томъ, что все болѣе и болѣе распространялось о нихъ дурныхъ слуховъ. Теперь имъ приписывались самыя грубыя и нелѣпыя суевѣрія; христіанская религія, во мнѣніи толпы, обратилась въ какую-то глушую оргію, съ человѣческими жертвами, съ всеобщимъ развратомъ, съ поклоненіемъ изображенію распятаго человѣка на крестѣ съ ослинною головою. Невѣжественная толпа, не знавшая истиннаго христіанства и вѣрившая всѣмъ этимъ безсмысленнымъ слухамъ, готова была обрушиться на него новымъ жестокимъ гоненіемъ на подобіе гоненія 64 года. Въ Римѣ могло случиться то же самое, что случилось въ послѣдствіи въ малоазійскихъ городахъ. Тамъ на-

родныя толпы, возбужденныя жрецами, схватывали христіанъ, приводили ихъ къ городскимъ римскимъ властямъ, обвиняли въ привержимости къ различнымъ суевѣріямъ противнымъ народной религіи, и требовали осужденія на смерть и за содержаніе этихъ суевѣрій и за распространеніе ихъ среди другихъ жителей города. Въ Римѣ, конечно, такого своеволія народной толпы нельзя было ожидать; значеніе властей здѣсь было болѣе сильно; потому же здѣсь было всегда много войскъ, которыя и могли возстановить должный порядокъ. Притомъ и сама римская чернь была менѣе привержена къ своей религіи, менѣе фанатична и менѣе расположена по своему почину поднимать преслѣдованіе за содержаніе религіозныхъ убѣжденій и обрядовъ. Этого и совсѣмъ не могло случиться пока Неронъ былъ въ Римѣ, и пока онъ не хотѣлъ новаго гоненія противъ христіанъ. Его личное вниманіе, по выраженію Тацита, было всецѣло поглощено тою борьбою съ добродѣтельною, которую онъ велъ, умерщвляя и казня всѣхъ тѣхъ, которые казались ему выдающимися въ томъ или другомъ хорошемъ отношеніи. Кромѣ того 67 и 68 годы были временемъ крайняго развитія артистическаго безумствованія императора Нерона. Вообразивши себя пѣвцомъ и артистомъ, онъ вездѣ устраивалъ театральныя зрѣлища и совершенно искренно и нетерпѣливо ждалъ себѣ похвалъ и лавровыхъ вѣнковъ. Среди этихъ занятій и постоянныхъ волненій ему рѣшительно не когда было обратити вниманіе на христіанскую религію, тѣмъ болѣе, что онъ и вообще не обращалъ вниманія на всѣ другія религіи и религіозныя общества. Вниманіе же римской толпы и римскихъ властей также въ свою очередь было всецѣло поглощено тѣми зрѣлищами и торжественными празднествами, которыми потѣпалъ ихъ императоръ, и являться на которыя должны были всѣ безъ исключенія.

При такомъ положеніи вещей, какъ подъ нѣкоторымъ покровомъ, христіанская церковь города Рима могла быстро возрасти и укрѣпиться. Ап. Павелъ, чѣмъ яснѣе сознавалъ выгоду такого положенія вещей, тѣмъ ревностнѣе и неустанно продолжалъ проповѣдывать евангельское благовѣстіе. Онъ можетъ быть начиналъ замѣчать, что его личность очень замѣтно выдѣляется надъ всѣми другими послѣдователями Іисуса Христа; можетъ быть даже ему приходилось встрѣчать недружелюбныя взгляды на него со стороны языческой толпы и особенно жрецовъ, которые, можетъ быть, прямо грозили ему доносомъ. Но ничто изъ этого не могло смутить проповѣдника и остановить его дѣятельность. Онъ по прежнему продолжалъ собирать собранія для бесѣдъ и совершенія евхаристіи, продолжалъ также являться по приглашенію и въ частные дома. Своихъ же послѣдователей онъ неустанно увѣщевалъ твердо держаться христіанскихъ правилъ жизни и быть во всемъ подражателями Іисусу Христу и нести крестъ, кому какой назначенъ премудрымъ промысломъ.

Тогдашнія условія римской жизни.

Совершенно измѣнилось положеніе вещей съ половины 67 года. Приблизительно около этого времени императоръ Неронъ предпринялъ путешествіе по Греціи. Тѣ льстивыя восхищенія и тѣ лавровыя вѣнки, которые онъ получалъ до сего времени въ Римѣ и Италіи какъ артистъ, музыкантъ и пѣвецъ, казались ему недостаточными. Ему хотѣлось, чтобы и сама Греція,—эта родина артистовъ и художниковъ и страна преимущественнаго разцвѣта всѣхъ искусствъ, признала за нимъ тоже самое достоинство, которое такъ льстиво выставилось во всей Италіи. И вотъ онъ вмѣстѣ съ Тигеллиномъ, отправился въ города Греціи. Онъ побывалъ почти во всѣхъ городахъ, присутствовалъ на всѣхъ зрѣлищахъ и вступалъ въ состязанія почти на всѣхъ играхъ.

Въ то время какъ Неронъ проводилъ время въ Греціи, его отпущенники Гелій и Поликлетъ самымъ жестокимъ и своевольнымъ образомъ распоряжались въ Римѣ. Ходъ римской жизни долженъ былъ значительно измѣниться. Прежде всего прекратилось бессмысленное праздное время проведеніе, причиною котораго былъ Неронъ,—его казни, театральныя представленія и цирковыя зрѣлища. Сократились зрѣлища и меньше стало того, что предпринималось съ нарочинною цѣлію занять вниманіе толпы и привлечь ея симпатіи на сторону Нерона и его любимцевъ. Народъ, если онъ хотѣлъ зрѣлищъ, долженъ былъ теперь самъ искать ихъ, самъ заботиться о нихъ. А такъ какъ это было не легко, то, понятно, что онъ чувствовалъ нѣкотораго рода неудовлетворенность, своего рода скуку. Римскія власти также теперь стали свободнѣе и имѣли время удѣлять вниманіе на текуція дѣла городской жизни. Этимъ-то положеніемъ обстоятельствъ и настроеніемъ общества и властей и воспользовались враги христіанства. Жрецы, а по ихъ наученію и чернь, ненавшая куда дѣвать свое свободное время, стали проявлять всевозможныя враждебныя манифестаціи противъ враговъ своей религіи. Нерѣшительныя и безвредныя вначалѣ, онѣ скоро обратились въ кровавыя драмы. Началось съ частныхъ доносовъ и съ отдѣльныхъ смертныхъ казней. Со стороны жрецовъ прежде всего было донесено на выдающихся проповѣдниковъ христіанства и между прочимъ на ап. Павла. Онъ вмѣстѣ съ другими долженъ былъ предстать на судъ предъ римскою властію. Если бы онъ былъ простой римскій поданный, то погибъ бы какъ погибали многіе другіе или распинаемые на крестахъ или отдаваемые въ циркахъ на растерзаніе звѣрьмъ. Такъ погибъ годъ тому назадъ ап. Петръ. Онъ былъ простой іудейскій рыбакъ съ Генисаретскаго озера, изъ ненавистной для римлянъ Іудеи, а потому и былъ казненъ позорною казнію, на которую обыкновенно осуждались рабы,—онъ былъ распятъ на крестѣ внизъ головою, на Вати-

канскомъ холмѣ.—Ап. Павлу, по доносу на него жрецовъ, грозила смертная казнь чрезъ разтерзаніе звѣрьми въ циркѣ. Думать такъ дать намъ полное право то мѣсто изъ второго посланія къ Тимоѳею, гдѣ апостолъ извѣщаетъ своего ученика, что онъ избавился изъ львиныхъ челюстей (2 Тим. 4,17).

Судъ надъ ап. Павломъ въ Римѣ.

Схваченный и приведенный вмѣстѣ съ другими христіанами къ римскимъ властямъ, ап. Павелъ по первоначальному и настойчивому требованію толпы предназначается во время предстоящихъ зрѣлищъ быть растерзаннымъ звѣрьми (можетъ быть прямо—львомъ). Народъ ждалъ зрѣлищъ и вотъ нашлось средство удовлетворить его, отдавая христіанъ на растерзаніе звѣрями. Но римскія власти, согласныя съ толпою во взглядѣ на христіанъ и на способъ истребленія ихъ, однако какъ истинные римляне хотѣли оформить дѣло; и желали, чтобы и самое уничтоженіе христіанскаго общества было произведено на основаніи дѣйствующаго закона. А такъ какъ у нихъ противъ своеволія толпы были въ распоряженіи значительныя войска, то они и настояли на своемъ желаніи. Для христіанъ представленныхъ римскимъ властямъ было назначено судебное разбирательство. Конечно это разбирательство было бы очень непродолжительно, и народное желаніе видѣть христіанъ растерзанными въ циркѣ было бы скоро удовлетворено. Но среди обвиняемыхъ христіанъ былъ ап. Павелъ, имѣвшій право римскаго гражданства. Когда онъ заявилъ, что въ его лицѣ римскія власти имѣютъ дѣло не съ простымъ подданнымъ, а съ римскимъ гражданиномъ, тогда ходъ судебного разбирательства долженъ былъ значительно измѣниться. Вмѣсто прежней поспѣшности и небрежности въ соблюденіи формальныхъ сторонъ судопроизводства теперь судебный процессъ долженъ былъ быть обставленъ и произведенъ законнымъ порядкомъ.

Формальному началу судебного процесса надъ ап. Павломъ предшествовало насиліе, и соблюденіе этихъ формальностей могло начаться только послѣ его заявленія о его римскомъ гражданствѣ. Преторъ, къ которому поступило дѣло апостола, согласно судебнымъ правиламъ, потребовалъ, чтобы изъ многихъ обвинителей выступилъ лишь только кто нибудь одинъ. Этотъ представитель обвинителей, цѣлой толпы народа, какъ религиозный фанатикъ обвинялъ ап. Павла въ томъ, что онъ, будто, не только самъ вѣритъ безсмысленнымъ суевѣріямъ, но старается привлечь къ этой вѣрѣ и другихъ римскихъ жителей. Но такъ какъ этого обвиненія было недостаточно для присужденія смертной казни въ свободомысленномъ Римѣ, то обвинитель ап. Павла выставилъ противъ него обвиненіе въ оскорбленіи имъ римскихъ божествъ, государства и самого

императора. Это было одно изъ самыхъ страшныхъ обвиненій и, будучи достаточно доказано, оно неминуемо влекло за собою смертную казнь чрезъ распятіе на крестѣ. Но пока это обвиненіе не было доказано, ап. Павелъ, какъ важный преступникъ былъ подвергнутъ тюремному заключенію и отведенъ въ оковахъ въ одно изъ тюремныхъ помѣщеній, находившихся при преторіанскомъ лагерѣ. Здѣсь онъ долженъ былъ ожидать назначеннаго преторомъ дня судебного разбирательства.

Сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ безотрадное впечатлѣніе произвело на римскихъ христіанъ тюремное заключеніе ап. Павла. Изъ ихъ памяти еще не изгладились ужасы гоненія 64 года, памятна была имъ и печальная мученическая кончина ап. Петра, испустившаго свой духъ, вися на крестѣ внизъ головою; нѣкоторое время подобные этимъ случаи выраженія вражды язычества къ христіанской религіи не повторялись. Христіане было успокоились и безъ всякихъ особенныхъ предосторожностей и опасеній выполняли требованія своей религіи и не скрывали ея отъ глазъ язычниковъ. Они стали думать, что приобрѣли теперь право быть открытыми исповѣдниками и послѣдователями имени І. Христа. Но случай съ ап. Павломъ и другими, вмѣстѣ съ нимъ взятыми, христіанами, навелъ на нихъ страхъ и наполнилъ ихъ сердца тяжелымъ предчувствіемъ.

Мало того, что они не ожидали, чтобы были освобождены схваченные вмѣстѣ съ ап. Павломъ и избѣжали смертной казни, они и для себя ждали того же самаго. Они ждали новыхъ доносовъ, новыхъ тюремныхъ заключеній для другихъ членовъ своего общества и часто видѣли и слышали подтвержденіе своихъ тревожныхъ ожиданій. Толпа, разъ осмѣлившись схватить христіанъ, не остановилась на одномъ случаѣ, но продолжала повторять это и еще нѣсколько разъ. Кромѣ того съ ея стороны стали смѣлѣе высказываться насмѣшки и издѣвательства надъ христіанами, чаще прерывались христіанскія молитвенныя собранія; и собиравшіеся для преломленія хлѣба въ таинствѣ евхаристіи всегда съ опасеніемъ взглядывали на двери при всякомъ незначительномъ шумѣ на улицѣ города. Такое тревожное настроеніе не могло не отразиться самымъ удручающимъ образомъ на состояніи духа христіанскаго общества. Нашлось среди христіанъ не мало такихъ, которые изъ-за страха прекратили на время общеніе съ другими христіанскими братьями; нѣкоторые пошли далѣе и стали вмѣстѣ съ язычниками служить своимъ прежнимъ богамъ; а тѣ, которые были болѣе твердыми въ своихъ христіанскихъ убѣжденіяхъ, прекратили свою проповѣдническую дѣятельность, направленную на приобрѣтеніе новыхъ послѣдователей І. Христу. Все это конечно не осталось неизвѣстнымъ ап. Павлу, и его душу наполнило горькое чувство сожалѣнія о слабости человѣческой воли въ послѣдованіи добру и истинѣ. Какъ видно изъ словъ

его посланія 2 Тим. 4, 16: «да не вѣдѣется имъ»,—онъ прощалъ имъ ихъ слабость, ихъ невѣрность завѣтомъ Христа Спасителя, но прощалъ лишь потому, что привыкъ всегда снисходить слабости человѣческой природы, привыкъ видѣть въ жизни много дурного и нежелательнаго. Онъ отнесся съ всепрощающею любовью даже къ поступку своего ученика и сотрудника Димаса, возлюбившаго, по его словамъ, нынѣшній вѣкъ и отправившагося въ Фессалонику, оставивъ въ Римѣ своего учителя, заключеннымъ въ темничныя узы, которыя грозили кончиться смертною казнью (2 Тим. 4, 10).

Тяжело было ап. Павлу узнавать о подобныхъ поступкахъ своихъ болѣе близкихъ послѣдователей, но онъ не думалъ высказывать какое-либо раздраженіе по этому поводу. Онъ заботился о томъ, чтобы, оставаясь наружно спокойнымъ, поддерживать бодрость духа и въ другихъ, утѣшить ихъ обѣщаніемъ божественной помощи и ободрить надеждою на всеблагость и премудрый промыслъ Божій. Онъ былъ радъ тѣмъ людямъ, которые не стыдятся и не страшась его узъ, приходили къ нему въ его темничное заключеніе. Они сообщали ему о состояніи христіанскаго общества, а онъ чрезъ нихъ старался воздѣйствовать и воздѣйствовалъ на это послѣднее, поругая передавать ему свои наставительныя и утѣшительныя бесѣды. Особенно же утѣшительно ему было прибытіе въ Римъ и къ нему въ темницу Онисифора. Этотъ Онисифоръ, узнавши въ своей далекой Иконіи о пребываніи ап. Павла въ Римѣ, прибылъ сюда, чтобы насладиться его лицезрѣніемъ, получить назиданіе отъ его бесѣдъ и оказать ему матеріальную поддержку въ его теперешнихъ обстоятельствахъ. Прибывши въ Римъ и узнавши, что апостолъ въ узахъ, онъ употребилъ всѣ усилія (2 Тим. 1, 17), чтобы найти апостола среди другихъ узниковъ, чтобы пройти къ нему въ его заключеніе и передать ему, что принесъ съ собою, и въ чемъ особенно нуждался узникъ. «Да дастъ ему, писалъ объ этомъ самъ ап. Павелъ, да дастъ ему Господь обрѣсти милость у Бога въ оный день (2 Тим. 1, 18). Но недолго прожилъ Онисифоръ въ Римѣ; его жизненныя обстоятельства заставили его снова оставить столицу и возвратиться на родину. По удаленіи Онисифора около апостола снова водворилась тѣма и уныніе.

Впрочемъ это томительное неизвѣстное состояніе ап. Павла, послѣ выѣзда Онисифора, продолжалось недолго. Наступалъ день, назначенный преторомъ для разбора его дѣла. Въ этотъ день рано утромъ апостола вывели изъ тюремнаго заключенія и подъ конвоемъ стражи привели на Марсово поле, гдѣ еще со времени Юлія Цезаря была приспособлена особая судебная площадь. Здѣсь и должно было произойти судьбище, какъ обыкновенно, публично и устно. Предъ занятыми свои мѣста судьями выступилъ обвинитель ап. Павла. Онъ держалъ предъ ними рѣчь, въ которой раскрывалъ свои обвинительные пункты.

Апостолъ молча слушалъ возводимыя на него обвиненія, какъ онъ нѣкогда слушалъ Тертулла, обвинявшаго его предъ іудейскимъ проконсуломъ Феликсомъ въ Кесаріи (Дѣян. 24, 1—8). Въ своемъ умѣ апостолъ готовилъ отвѣты на всѣ пункты обвинительной рѣчи, при этомъ памятуя и объ обѣщаніи Спасителя: не заботьтесь о томъ, что вамъ сказать; Духъ Святой научилъ васъ въ тотъ часъ, что вамъ нужно говорить.

Наступила очередь говорить и ап. Павлу. Въ своей рѣчи ему нужно было не только раскрыть кто онъ — обвиняемый, но и то, — что для него было гораздо важнѣе, — какова та вина, за которую его привлекли на судъ къ этимъ почтеннымъ римскимъ судьямъ. — «Онъ — іудей, сынъ того племени, которое теперь (67—68 г.г.) такъ отчаянно взялось за оружіе, чтобы свергнуть съ себя римское иго. Но лично онъ нисколько не стоитъ за дѣло своихъ единоплеменниковъ. Какъ римскій гражданинъ онъ уважаетъ римлянъ и римское правительство и всегда готовъ исполнять римскіе законы. Неправда, будто онъ оскорбляетъ честь римскихъ боговъ; неправда и то, что будто онъ врагъ римскаго государства и его устройства. Если онъ и собиралъ христіанскія собранія и часто предсѣдательствовалъ на нихъ, то эти собранія не имѣли ничего противозаконнаго и преступнаго. Ихъ цѣль — вознести молитву Господу, совершить вечерю любви въ воспоминаніе такой же вечера, которую совершилъ нѣкогда чтимый ими І. Христосъ, Сынъ Божій, сошедшій съ небесъ и воплотившійся для спасенія человѣческаго рода, и умершій на крестѣ, пригвожденный къ нему по приказанію Пилата въ удовлетвореніе безпричинной злобы іудейскихъ первосвященниковъ. Вотъ, послѣдуя ученію и заповѣдямъ сего распятаго Сына Божія, мы, христіане, и живемъ среди васъ, почитателей Юпитера и Юноны, и желаемъ одного и объ одномъ молимся, чтобы проводить свою жизнь въ исполненіи заповѣдей Господнихъ въ мирѣ и спокойствіи совѣсти. Если же насъ и въ частности меня обвиняютъ въ оскорбленіи императорскаго величества, то это простое недоразумѣніе. Говорятъ, что мы не хотимъ признавать императора, и въ доказательство этого указываютъ на то, что мы не присутствуемъ ни при жертвоприношеніяхъ въ честь императора, ни при жертвоприношеніяхъ предъ изображеніями умершихъ римскихъ провителей. Но, достопочтенные судьи, въ то время какъ вы и другіе идете въ ваши храмы и тамъ предъ вашими богами молитесь о своемъ императорѣ, мы, христіане, снѣшимъ на свои молитвенныя собранія, и здѣсь съ полною искренностію просимъ у нашего Господа Бога всякаго блага тому, кто поставленъ Имъ надъ нами, дабы управлять нашими земными дѣлами. Что же касается того, что мы дѣйствительно не совершаемъ куренія предъ изображеніями вашихъ умершихъ императоровъ и не приносимъ жертвъ, то это дѣлается нами не по мятежному чувству, а единственно изъ послушанія

законамъ нашей христіанской вѣры, которая повелѣваетъ поклоняться въ духѣ и истинѣ только одному Господу, творцу неба и земли».—Сказавъ это, апосталъ закончилъ свою рѣчь обращеніемъ къ справедливости и безпристрастію судей.

Послѣ этого было приступлено къ разсмотрѣнію доказательствъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто имѣли свидѣтельскія показанія. Когда свидѣтельскія показанія обвиняющей стороны были выслушаны, тогда преторъ и судьи снова обратились къ ап. Павлу, предоставляя и ему выставить свидѣтелей въ защиту своихъ показаній. Но ап. Павелъ свидѣтелей не имѣлъ. Хотя и право было его дѣло, хотя и многіе знали, что онъ не заслуживаетъ обвиненія и наказанія однако никто не выступилъ предъ судьями подтвердить то, о чемъ долго и воодушевленно говорилъ великій проповѣдникъ. Послѣ онъ самъ съ горечью писалъ объ этомъ св. Тимоѳею: «при первомъ моемъ отвѣтѣ никого не было со мною, но всѣ меня оставили (2 Тим. 4, 16).—Среди христіанъ Рима изъ многихъ послѣдователей ап. Павла не нашлось ни одного, который бы заявился на судебную площадь и публично бы засвидѣтельствовалъ достовѣрность показаній апостола.—Что это значить,—гдѣ причина такой оставленности апостола? Ужели въ одномъ томъ, что страхъ предъ римскимъ судомъ и опасеніе самимъ попасть въ то же самое положеніе, въ которомъ теперь томился ап. Павелъ, удержали римскихъ христіанъ и даже евангелиста и дѣеписателя Луку выступить на защиту святого дѣла?—Трудно вѣрится такому малодушію первыхъ христіанъ, но это было отчасти въ дѣйствительности, хотя, конечно, главное здѣсь было общее смиреніе христіанъ, ихъ готовность на страданія и ихъ сознаніе бесполезности устной защиты предъ языческимъ фанатизмомъ. И самъ апостолъ не находитъ достаточнаго извиняющаго обстоятельства ихъ равнодушію къ его судьбѣ и, покрывая ихъ своею всепрощающею любовію, желаетъ, чтобы имъ не было вѣннено это ихъ малодушіе въ вину и осужденіе ни предъ судомъ человѣческимъ ни предъ судомъ Божиимъ: «да не вѣннитея имъ»,—пишетъ онъ своему довѣренному другу, св. Тимоѳею (2 Тим. 4, 16).

Оставленность апостола показалаь странною и непонятною даже самимъ римскимъ судьямъ; и это тѣмъ болѣе, что, по ихъ мнѣнію, дѣло его вовсе не такъ безнадежно, чтобы было опасно выступить его защитникомъ. Въ ихъ памяти было еще свѣжо впечатлѣніе отъ боговдохновенной рѣчи апостола, ихъ сердца еще не остыли отъ того жара умиленія, которое было возбуждено въ нихъ его трогательно-величественною проповѣдью о Христѣ, Спасителѣ всѣхъ людей. И вотъ, подъ влияніемъ этого впечатлѣнія преторъ и судьи рѣшили, что постановлять окончательный приговоръ по дѣлу апостола преждевременно, и объявили перерывъ судебного процесса, назначивъ день для второго разбирательства.

Перерывъ судопроизводства надъ ап. Павломъ.

Остановившись на такомъ рѣшеніи судьи думали, что они руководятся лишь простымъ безпристрастіемъ и требованіемъ справедливости. Но иначе посмотрѣлъ на это самъ ап. Павелъ. Онъ писалъ св. Тимоѳею: «Господь предсталъ мнѣ и укрѣпилъ меня, дабы чрезъ меня утвердилось благовѣстіе и устыжились язычники; и я избавился изъ львиныхъ челюстей (2 Тим. 4, 17). — Первый актъ судебного процесса кончился такъ благополучно для ап. Павла не по человѣческому разсужденію судей, а исключительно по вмѣшательству въ это дѣло промысла Божія. Господу Богу было угодно, чтобы проповѣдническая дѣятельность ап. Павла не прекратилась сейчасъ же послѣ перваго судебного разбирательства. Нужно было, чтобы чрезъ апостола утвердилось благовѣстіе; чтобы сами узы апостола свидѣтельствовали о его проповѣднической дѣятельности, чтобы язычники, собиравшіеся въ Римъ со всѣхъ сторонъ обширной римской имперіи, еще разъ слышали здѣсь торжественное исповѣданіе вѣры Христовой ап. Павломъ предъ избранными судьями при торжественной обстановкѣ. Ради этой-то цѣли и избавлялся апостолъ отъ «львиныхъ челюстей». И, въ то время, какъ другіе христіане, схваченные вмѣстѣ съ нимъ, были отведены въ циркъ и здѣсь отданы на растерзаніе звѣрямъ, ап. Павелъ по рѣшенію судей, въ виду его римскаго гражданства, былъ оставленъ въ живыхъ и отведенъ въ тюрьму на дальнѣйшее заключеніе.

Снова прибылъ апостолъ въ свое прежнее тюремное помѣщеніе и для него снова потекли безконечно долгіе вѣдствіе однообразія и бездѣтельности дни; только одна молитва и размышленія были въ распоряженіи апостола какъ средства сокращенія времени. Посѣщенія его христіанами, рѣдкая прежде, теперь сдѣлались еще рѣже. Съ одной стороны еще болѣе усилился ихъ страхъ послѣ того какъ нѣкоторые изъ нихъ были отданы на растерзаніе звѣрямъ, съ другой — и стража, представленная къ апостолу, стала несравненно строже и суровѣе. Она увидала, что ап. Павелъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые и по суду достойны всевозможныхъ казней. Основываясь на этомъ, она сдѣлалась грубѣе въ обращеніи съ самимъ узникомъ и всячески стѣсняла приходившихъ навѣстить его. Онъ былъ въ ея глазахъ не простымъ религіознымъ проповѣдникомъ, но злодѣемъ (2 Тим. 2, 9), преступникомъ противъ государственной религіи, государственнаго устройства и даже противъ самого государя. Такъ что нужно было относиться строго не только къ нему, но и ко всѣмъ тѣмъ, которые приходили къ нему, ибо и они принадлежали къ преступному обществу, къ числу опасныхъ людей. И вотъ ап. Павелъ одиноко проводитъ свое время въ мрачномъ и холодномъ тюремномъ заключеніи. Лишь св. Лука изъ

рѣдка навѣщаетъ его, приходя къ нему съ вѣстями о римскомъ христіанскомъ обществѣ, принося нужное для него и подарки для стражи и облегчая, какъ врачъ, его постоянныя недуги.

Поводъ написанія второго посланія къ Тимоѳею.

Но для ап. Павла этого было слишкомъ мало. Ему было слишкомъ горько, что римское христіанское общество относится къ нему такъ холодно; онъ ждалъ проявленія любви болѣе горячей и выраженія преданности, доходящей до пожертвованія. Мысленно онъ чаще и чаще сталъ переноситься на востокъ, къ восточнымъ церквамъ, основаннымъ имъ. Положимъ онъ испыталъ тамъ немало огорченій, преслѣдованій и даже побоевъ, но тамъ же онъ наслаждался общеніемъ съ самыми дорогими ему и любящими людьми. Вспомнились ему радушіе филиппійцы, вспомнились и гостепріимные жители Троады. У Карна, жителя этого города, онъ оставилъ свою фелонь и разныя книги. Онъ намѣревался тогда скоро возвратиться и взять ихъ; но промыселъ Божій судилъ другое. Онъ сидитъ заключеннымъ въ римскую тюрьму и не только не можетъ придти за этими вѣщами, но даже не имѣетъ возможности свободно двигаться по своему тѣсному заключенію. Между тѣмъ его фелонь была бы теперь для него весьма полезна; она защитила бы его отъ тюремной сырости и отъ холоднаго осенняго воздуха (2 Тим. 4, 21). А книги были еще дороже для одиночнаго узника. Конечно книги Св. Писанія могъ бы принести ему и Лука, взявши у кого-нибудь изъ римскихъ христіанъ, но лучше пользоваться своими собственными;—тѣмъ болѣе, что среди оставленныхъ имъ въ Троадѣ были вѣроятно и настолько рѣдкія, что ихъ нельзя было достать у римскихъ христіанъ (4, 13).

Но кто доставитъ ему ихъ изъ столь отдаленнаго мѣста, кого послать за ними?—Около него оставался лишь одинъ Лука безъ котораго нельзя было обойтись самому апостолу. Вѣрный и дѣятельный Титъ, оставивъ опасный для христіанскихъ проповѣдниковъ Римъ, пошелъ съ проповѣдью евангелія къ народамъ Далматіи; Крискеинъ давно уже былъ въ Галатіи (2 Тим. 4, 10). А между тѣмъ апостолъ зналъ, что тамъ, на востокѣ, у него есть вѣрный и преданный другъ, который еслибы узналъ, что его учитель въ чемъ-нибудь нуждается, постарался-бы какъ можно скорѣе удовлетворить этой нуждѣ.

Это былъ св. Тимоѳей, который плакалъ, когда апостолъ отсылалъ его отъ себя въ Ефесъ, который давно, особенно послѣ полученія перваго апостольскаго посланія, ждалъ къ себѣ его самого, но который теперь находился въ неизвѣстности относительно его положенія. Его-то и рѣшилъ ап. Па-

вель увѣдомить о своей судьбѣ, о своей нуждѣ и о своемъ желаніи видѣть его около себя, какъ преданнаго друга. Онъ пишетъ ему второе посланіе, а Лука отправляетъ это посланіе съ однимъ изъ христіанъ, отправляющихся на востокъ.

Все посланіе отличается задушевностію и трогательностію. Оно есть какъ-бы нѣкоторое завѣщаніе отца, предвидящаго свою скорую кончину и желающаго высказаться предъ своимъ сыномъ. Ап. Павелъ пишетъ это посланіе «какъ апостолъ І. Христа, какъ отецъ для Тимофея, — пишетъ возлюбленному сыну, который всегда вспоминался ему, о которомъ онъ молился въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ и котораго онъ, особенно теперь, желалъ бы видѣть около себя. Онъ нуженъ ему, ибо печально его настоящее положеніе, и не на комъ остановиться его сердцу съ радостию и не съ кѣмъ вести утѣшительную бесѣду. Онъ, Тимофей, несомнѣнно не такъ какъ другіе, не стыдится узъ апостола, ибо хорошо знаетъ, что эти узы и эти страданія достались ему за его ревностное исполненіе заповѣди Господа, который послалъ его проповѣдывать языческимъ народамъ (І, 15—18). А положеніе апостола — узника дѣйствительно таково, что иныхъ можетъ испугать и оттолкнуть, а въ другихъ, какъ и въ немъ, Тимоеѣ, возбудить глубокое состраданіе и подвигнетъ къ дѣятельному и любящему уходу за нимъ, за его страданіями и болѣзнями. Апостолъ теперь становится жертвою, и время его отшествія (смерти) уже настало. Во всю жизнь онъ подвизался подвигомъ добрымъ; онъ ревностно выполнялъ то, что ему было заповѣдано отъ Господа, призвавшаго его къ проповѣдничеству. (4, 6. 7). Въ этомъ возвышенномъ сознаніи святости своего дѣла апостолъ прозираетъ вдаль и видитъ себя, а равно и другихъ подобныхъ ему тружениковъ, уже награжденными отъ Господа, праведнаго Судии, уготовавшаго вѣнецъ правды всѣмъ возлюбившимъ Его явленіе. (4, 8). Но такъ какъ и при этой утѣшительной надеждѣ на будущую награду душа апостола все-таки скорбитъ, и его тѣло немощное страдаетъ, то онъ проситъ своего волюбленнаго сына-ученика, Тимофея, придти къ нему въ Римъ, придти какъ можно скорѣе, если возможно то къ этой зимѣ, потому что ему самому неизвѣстно, что будетъ послѣ. Хотя Господь избавилъ его изъ львиныхъ челюстей, но этимъ самымъ однако не уничтожилъ возможности мученической кончины, а лишь отодвинулъ ее на нѣсколько времени далѣе. Апостолъ надѣется, что Господь избавитъ его и на будущее время отъ всякаго зла, отъ дурного поступка, чрезъ который онъ оказался бы невѣрнымъ рабомъ своего Господина, но соблюдетъ его достойнымъ Своего небеснаго царства (4, 18). Но на долгое продолженіе этой земной жизни онъ уже не надѣется: время отшествія его настало (4, 6).

Пребытіе въ Римъ св. Тимофея.

Лишь только св. Тимофеей получилъ это сердечное апостольское посланіе, какъсейчасъ же поспѣшилиъ выполнитьъ все, о чемъ просилъ его узникъ—учитель. Прочитавъ апостольское посланіе предъ ефесскими христіанами и давъ имъ временныя наставленія, онъ быстро пустился въ путь, въ Римъ. вмѣстѣ съ Маркомъ, который былъ при Тимофѣ въ Ефесѣ, онъ зашелъ сначала въ Троаду, взявъ здѣсь у Карпа апостольскую фелонь и кожанныя книги и на одномъ изъ торговыхъ кораблей направилися въ Италію. Апостола Павла онъ нашелъ въ самомъ печальномъ положеніи. Тюремное заключеніе длилось уже давно; оно окончательно измучило и безъ того слабого тѣломъ старца — узника. Обращеніе съ нимъ стражи становилось суровѣе и грубѣе по мѣрѣ того какъ ей болѣе и болѣе надоѣдало наблюдать за однимъ и тѣмъ-же неинтереснымъ узникомъ, и по мѣрѣ того, какъ денежныя подарки со стороны римскихъ христіанъ, истощаясь, становились меньше и рѣже. Поэтому прибытіе въ Римъ св. Тимофея было въ высшей степени утѣшительно для ап. Павла. По крайней мѣрѣ онъ теперь имѣлъ при себѣ дорогаго собесѣдника, предъ которымъ могъ изливать и свои душевныя скорби и сердечныя радости. Онъ скорбѣлъ предъ Тимофеемъ о холодности римскаго христіанскаго общества, о тѣхъ, которые возлюбили болѣе нынѣшній вѣкъ, чѣмъ дѣло христіанской проповѣди и жизнь по вѣрѣ и любви. Но онъ и радовался, слушая его рассказы объ успѣхахъ христіанской проповѣди на востокѣ, о добрыхъ христіанскихъ подвижникахъ, о постепенномъ нравственно-христіанскомъ совершенствованіи ефесскаго общества, слушалъ о томъ впечатлѣніи, которое произвело на ефесянъ его послѣднее посланіе изъ Рима.

Черезъ Тимофея ап. Павелъ старался воздѣйствовать нѣсколько на упавшій духъ римскихъ христіанъ, укрѣпить, ободрить и утѣшить колеблющихся въ вѣрѣ и внушить имъ твердо держаться того, что они приняли отъ ап. Петра и Павла. Но недолго могъ служить Тимофеей при ап. Павлѣ, недолго, сравнительно, онъ навѣщалъ его въ темницѣ и читалъ съ нимъ его кожанныя книги. Онъ оставилъ ефесское общество только лишь на короткое время. Апостоль черезъ него зналъ, что религіозно-нравственное состояніе ефесянъ не особенно надежно; тамъ было много «инакоучащихъ», а въ будущемъ ихъ предвидѣлось еще болѣе. Необходимо, такимъ образомъ, чтобы тамъ въ Ефесѣ былъ всегда на стражѣ опытный и вѣрный служитель Христовой истины, необходимо, чтобы Тимофеей возвратился туда и остался тамъ навсегда. Ап. Павелъ, который прежде самъ послалъ того же Тимофея въ Ефесъ, не смотря на его слезы, отослалъ его и теперь изъ Рима, лишь только успѣлъ утѣшиться его прибытіемъ, полученіемъ черезъ него

нужныхъ вещей, его извѣстіями и общеніемъ съ нимъ.—Окончательно простившись съ нимъ и получивъ отъ него послѣднія наставленія и послѣднее благословеніе, Тимоѳеѣй оставилъ ап. Павла, навсегда удалившись изъ Рима: какъ апостолъ, такъ и Тимоѳеѣй твердо вѣрили, что имъ не придется встрѣтиться на землѣ,—эта встрѣча возможна только на небѣ—въ царствѣ воскресшаго и вознесшагося Господа І. Христа.

Осужденіе ап. Павла на казнь.

Дѣйствительно предчувствіе ап. Павла и Тимоѳея не обмануло ихъ. Все предвѣщало апостолу скорый конецъ и его судебному процессу и его земной жизни.—Гелій и Поликлеть, управлявшіе Римомъ во время отсутствія императора Нерона, запустившіе много дѣлъ, преслѣдуя свои личные интересы, теперь готовились отдать свою власть имѣющему вскорѣ прийтись въ Италію императору. Имъ важно было, чтобы къ этому его возвращенію римское управленіе и судопроизводство не представляло ни упущеній, ни нерѣшенныхъ дѣлъ, ни неразобранныхъ жалобъ. Къ числу такихъ принадлежало и дѣло ап. Павла. Жалоба на него была подана уже давно, и его обвинители съ нетерпѣніемъ ждали, чтобы назначенъ былъ день вторичнаго судебного разбирательства. А такъ какъ, кромѣ того, они особенно настаивали на обвиненіи ап. Павла въ оскорбленіи величества, то Гелію и Поликлету нужно было скорѣе отдѣлаться отъ этого судебного процесса. Иначе обвинители могли жаловаться самому императору и Гелій и Поликлеть оказались-бы виновными за мнимое покровительство личному врагу императора. Но это было болѣе чѣмъ нежелательно для нихъ. Потому они, получивъ жалобу обвинителей Павла на медленность судопроизводства, взяли это дѣло на собственное усмотрѣніе.

Гелій и Поликлеть, отличавшіеся по свидѣтельству историковъ жестокостію и презрѣніемъ къ правосудію и справедливости, отдали приказаніе казнить ап. Павла безъ всякаго предварительнаго судопроизводства; а свое вниманіе къ его римскому гражданству выразили въ назначеніи ему смѣрной казни чрезъ усѣченіе мечомъ, а не чрезъ распятіе или растерзаніе звѣрьми.—29 іюня 68 г. Геліемъ и Поликлетомъ было отдано приказаніе префектамъ Мегисту и Лонгику и центуріону Агесту отвести ап. Павла на осгійскую дорогу и тамъ обезглавить его,—такъ повѣствуютъ объ этомъ, такъ называемые «Акты Павла». Воины вывели узника изъ преторіанской тюрьмы, въ которой такъ долго пришлось пробыть ему. Въ продолженіи длиннаго пути около апостола, шедшаго въ сопровожденіи значительной стражи воиновъ, собралась большая толпа любопытныхъ, которые шли изъ-за предстоящаго

зрѣлища смертной казни, нисколько не интересуясь ни самимъ ап. Павломъ, ни тѣмъ дѣломъ, за которое его влекли на казнь. Но были здѣсь и христіане, которые шли по сочувствію къ ап. Павлу. Къ числу такихъ принадлежала одна женщина Плавтилія, у которой ап. Павелъ просилъ себѣ платокъ, чтобы закрыть имъ себѣ глаза предъ своею казнію. Видя вокругъ себя большую толпу народа, а среди нея нѣкоторыхъ знакомыхъ христіанъ, и считая это время весьма удобнымъ для преподанія наставленія христіанамъ и для произведенія глубокаго впечатлѣнія на сердца язычниковъ, ап. Павелъ началъ возвышенную боговдохновенную проповѣдь о распятомъ и воскресшемъ Господѣ. Онъ говорилъ о царствѣ Христовомъ, о царствѣ небесномъ, говорилъ о воскресеніи мертвыхъ и о судѣ надъ всѣми людьми. Эта проповѣдь была произнесена съ такимъ воодушевленіемъ и силою, что многіе изъ толпы увѣровали въ І. Христа и предлагали апостолу вырвать его изъ рукъ стражи и дать возможность спастись бѣгствомъ. Но апостолъ не согласился на это предложеніе. Онъ зналъ, что теперь именно насталъ часъ его смерти, и, зная, радовался. Онъ говорилъ провожавшимъ его начальникамъ, что онъ не убѣжитъ уже по одному тому, что считаетъ себя честнымъ воиномъ своего Господа, и надѣется получить отъ Него вѣнецъ за свою вѣрность ему до конца.

Между тѣмъ не получая долго извѣстія о совершившейся казни, управители, Гелій и Поликлеть, послали, воиновъ, Параснія и Ферита, узнать, что за причина такого замедленія. Эти пришли и потребовали отъ сопровождавшей апостола стражи исполненія приказанія. Тогда, остановившійся было во время своей проповѣди апостолъ долженъ былъ тронуться далѣе и уже нѣсколько скорѣе пройти остальной путь. Достигши назначеннаго мѣста казни, ап. Павелъ обратился лицомъ къ востоку, произнесъ по-еврейски молитву, благословилъ толпившихся около него христіанъ, завязалъ глаза платкомъ. Плавтилія, преклонилъ колѣна и подставилъ голову подъ мечъ. Палачъ обезглавилъ его. Голова, отдѣленная отъ туловища, произнесла еще довольно ясно имя І. Христа, а изъ перерубленной шеи, по свидѣтельству І. Златоуста, Амвросія и «Актвъ Павла», потекла сначала молочная струя, а потомъ и кровь. Когда хотѣли снять съ глазъ апостола повязку, то она внезапно исчезла; и послѣ ее видѣли у той же Плавтиліи, которая увѣряла, что самъ апостолъ, явившись ей въ сопровожденіи ангеловъ, возвратилъ ей ея платокъ.—Такъ рассказываютъ намъ «Акты Павла» о послѣднихъ минутахъ жизни св. ап. Павла.

Послѣдующее церковное преданіе также подтверждаетъ фактъ обезглавленія апостола на Остійской дорогѣ. Церковный писатель Кай, жившій при римскомъ епископѣ Зефиринѣ, говорилъ: «я могу показать тебѣ трофеи апостоловъ,—

приди только на Остіійскую дорогу» (Истор. Евс. 2, 25). Впослѣдствіи мѣсто казни ап. Павла стало называться „водами спасенія“, такъ какъ многіе получали здѣсь исцѣленія недуговъ; а иногда называлось „тремя источниками“, каковое названіе произошло, какъ говорятъ, вслѣдствіе того, что эти источники возникли изъ троекратнаго скачка отрубленной головы ап. Павла.

Реликвиі ап. Павла.

Останки казненнаго ап. Павла, по свидѣтельству Свящ. Преданія, присутствовавшими при казни христіанами были перенесены въ одинъ изъ рововъ, которые тянулись по сторонамъ Остіійской дороги. Здѣсь въ песчаномъ грунтѣ было выкопано ими небольшое углубленіе, и въ него было положено тѣло ап. Павла, — можетъ быть съ намѣреніемъ, по успокоеніи народнаго возбужденія по поводу казни, перенести въ болѣе безопасное и почетное мѣсто. Узнавши о казни апостола, съ востока пришли какіе-то неизвѣстные люди. Они намѣревались взять останки ап. Павла и перенести ихъ на востокъ, какъ его родину. Но въ то время, какъ они, пользуясь ночнымъ временемъ, принялись за выполненіе своего намѣренія, разразилась страшная гроза. Трескъ грома и блескъ молніи разбудилъ нѣкоторыхъ христіанъ, жившихъ недалеко отъ мѣста временнаго погребенія останковъ апостола; они увидали людей, что-то копавшихъ, и по ихъ спѣшному бѣгству догадались о ихъ замыслѣ. Поэтому было рѣшено перенести св. останки апостола въ катакомбы и такимъ образомъ обезопасить ихъ на будущее время отъ похищенія. Эти катакомбы, въ которыхъ покоились и останки ап. Петра, находились между Остіійской и Аппіевой дорогами, гдѣ надъ ними впослѣдствіи была выстроена базилика Себастіана. Папа Корнилій (252 г.) по просьбѣ одной уважаемой женщины разрѣшилъ вынести тѣла обоихъ апостоловъ изъ катакомбъ. Тѣло ап. Павла было взято блаж. Луціанной и положено въ ся имѣніи при Остіійской дорогѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ былъ обезглавленъ. Въ 315 году Константинъ Великій по просьбѣ папы Сильвестра для останковъ ап. Павла построилъ особую базилику.

Прот. Н. Орловъ.